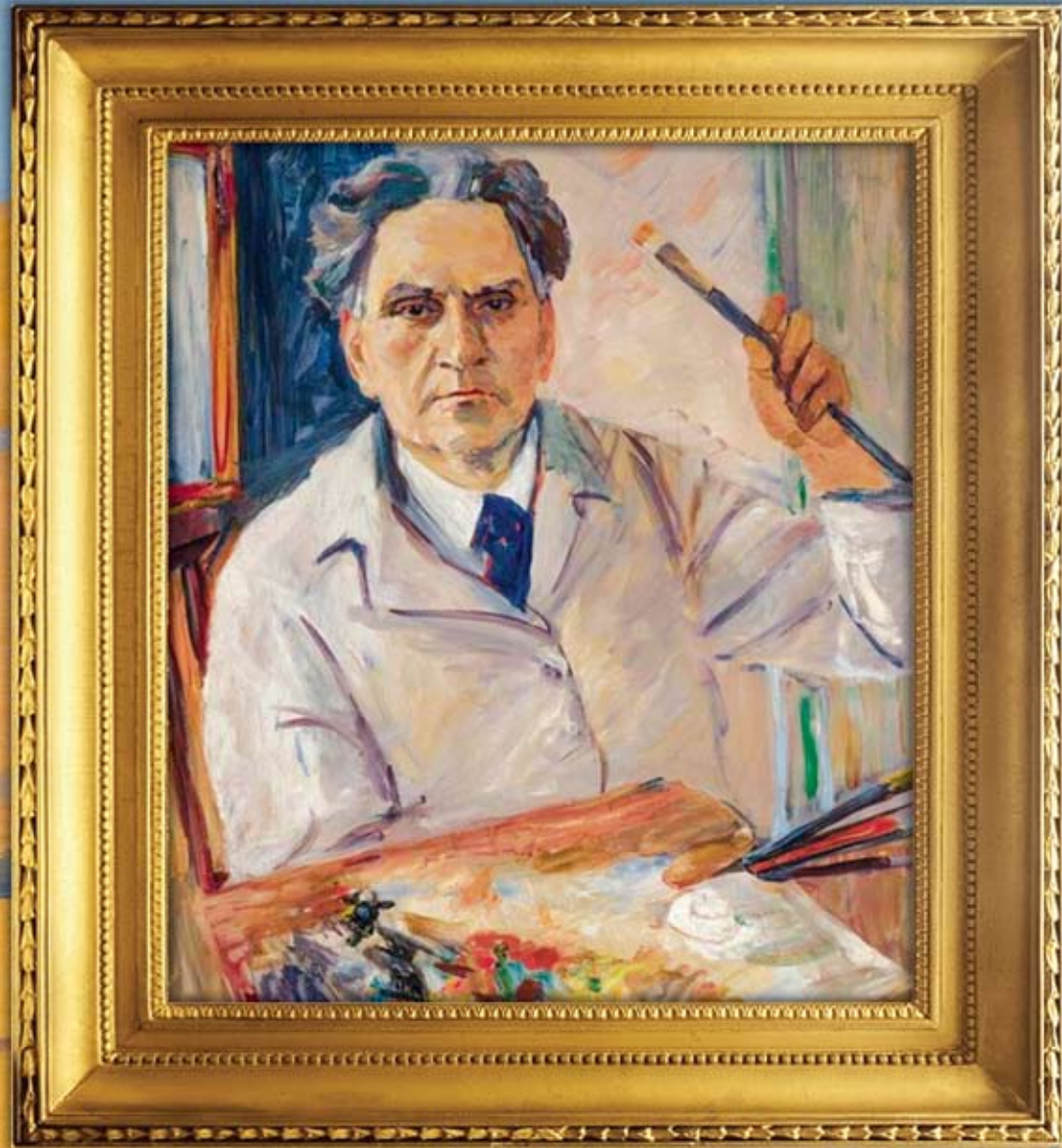

МАРТИРОС САРЬЯН

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ НАХИЧЕВАНЦЕВ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ НАХИЧЕВАНЦЕВ

**Мартирос Сарьян.
ВЛЮБЛЁННЫЙ В СОЛНЦЕ**

Ростов-на-Дону
2025

ББК 85.143(2)5-8
85.143(5Арм)5-8
С 20

С 20 «Мартирос Сарьян. Влюблённый в солнце». (сер. «Жизнь замечательных нахичеванцев»). Составитель Н. В. Мирзабекова.– Ростов-на-Дону, 2025. – 160 с., илл.

Книга «Мартирос Сарьян. Влюблённый в солнце» издана в рамках серии «Жизнь замечательных нахичеванцев» и посвящена жизни и творчеству одного из выдающихся живописцев XX века, уроженца города Нахичеван (ныне Пролетарский район Ростова) Мартироса Сереевича Сарьяна (1880 —1972).

В Армении, где художник прожил большую часть своей жизни, его называли Варпетом, то есть Учителем. Он действительно был во многом и многим учителем, не только как живописец, но и человек, сумевший достойно прожить отведенный ему жизненный срок, наполнив его благородными делами и поступками. Мартироса Сарьяна считают основателем армянской национальной живописной школы — солнечной, наполненной яркими красками и цветом. Это был его личный выбор, его задача, его подвиг художника и человека — «переписать», перекодировать въевшийся в армянское национальное самосознание, оставивший как рубец, след страха и ужаса от пережитой народом трагедии — геноцида 1915 года, доказать своими жизнеутверждающими картинами, что мир, несмотря ни на что, прекрасен, что есть радость и поэзия жизни, есть счастье ощущать её во всём многообразии, есть, наконец, Солнце. То самое Солнце, которое Сарьян, по его собственному признанию, любил больше всего на свете!

Благодарим главного хранителя Дома-музея М. С. Сарьяна (Ереван, Армения), внуку художника Софью Лазаревну Сарьян за уточнения, сделанные ею при составлении данной книги.

Проект осуществлён в рамках культурно-образовательных программ РРОО «Нахичеванская-на-Дону армянская община».

ISBN 978-5-6054071-3-3

© РРОО «Нахичеванская-на-Дону армянская община», 2025

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ НАХИЧЕВАНЦЕВ

**Мартирос Сарьян.
ВЛЮБЛЁННЫЙ В СОЛНЦЕ**

Ростов-на-Дону
2025

САРЬЯН**МАРТИРОС СЕРГЕЕВИЧ**

(Сарьянц Мардирос Саркисович) (16(28).02.1880, Нахичеван-на-Дону, Ростовский уезд, Новороссийская губ., Российская империя – 05.05.1972, Ереван, Армянская ССР, СССР).

Народный художник ССР Армении (1926), лауреат Сталинской премии СССР (1941), действительный член АХ СССР (1947), председатель Союза художников Армянской ССР (1945–1951), действительный член АН Армянской ССР (1956), Народный художник СССР (1960), лауреат Ленинской премии (1961), Герой Социалистического Труда (1965), лауреат Государственной премии Армянской ССР (1966).

Создал около пяти тысяч живописных полотен (портреты, пейзажи, натюрморты). Работал как книжный график и театральный художник.

Творчество Сарьяна надолго определило национальные черты армянской советской живописи. В Ереване и в Ростове в честь художника установлены памятники. В столице Армении с 1967 года действует Дом-музей М. С. Сарьяна.

«Больше всего на свете я люблю солнце. Любить солнце – значит любить мир, любить землю и всё то, что есть на ней. Мы связаны с солнцем, оно веками увлекает нас за собой. Куда? Неизвестно. Приходят новые поколения, а солнце всегда остаётся в человеке, в каждом из нас. Так останемся же верны этому великому закону. Возлюбим жизнь, возлюбим светлое, возлюбим любовь и оправдаем нашим трудом доверие природы».

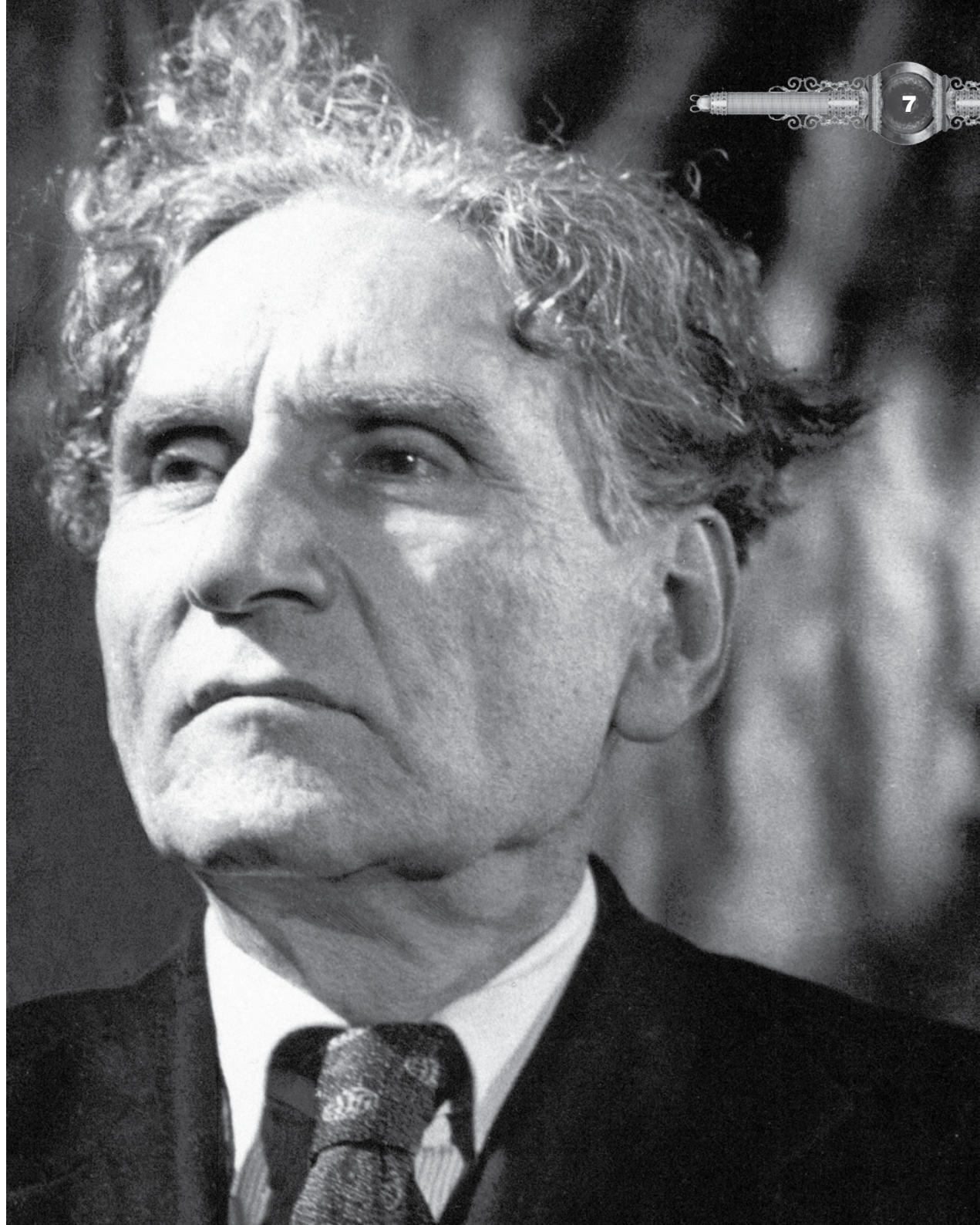
***

«Я не знаю, когда родился во мне художник. Наверно с того дня, как я слушал рассказы родителей о нашей сказочной горной родине, с того дня, когда я игрался под солнцем и восторгался разнообразием красок цветов, бабочек, птиц. Цвет, свет, мечта – вот чем я жаждал».

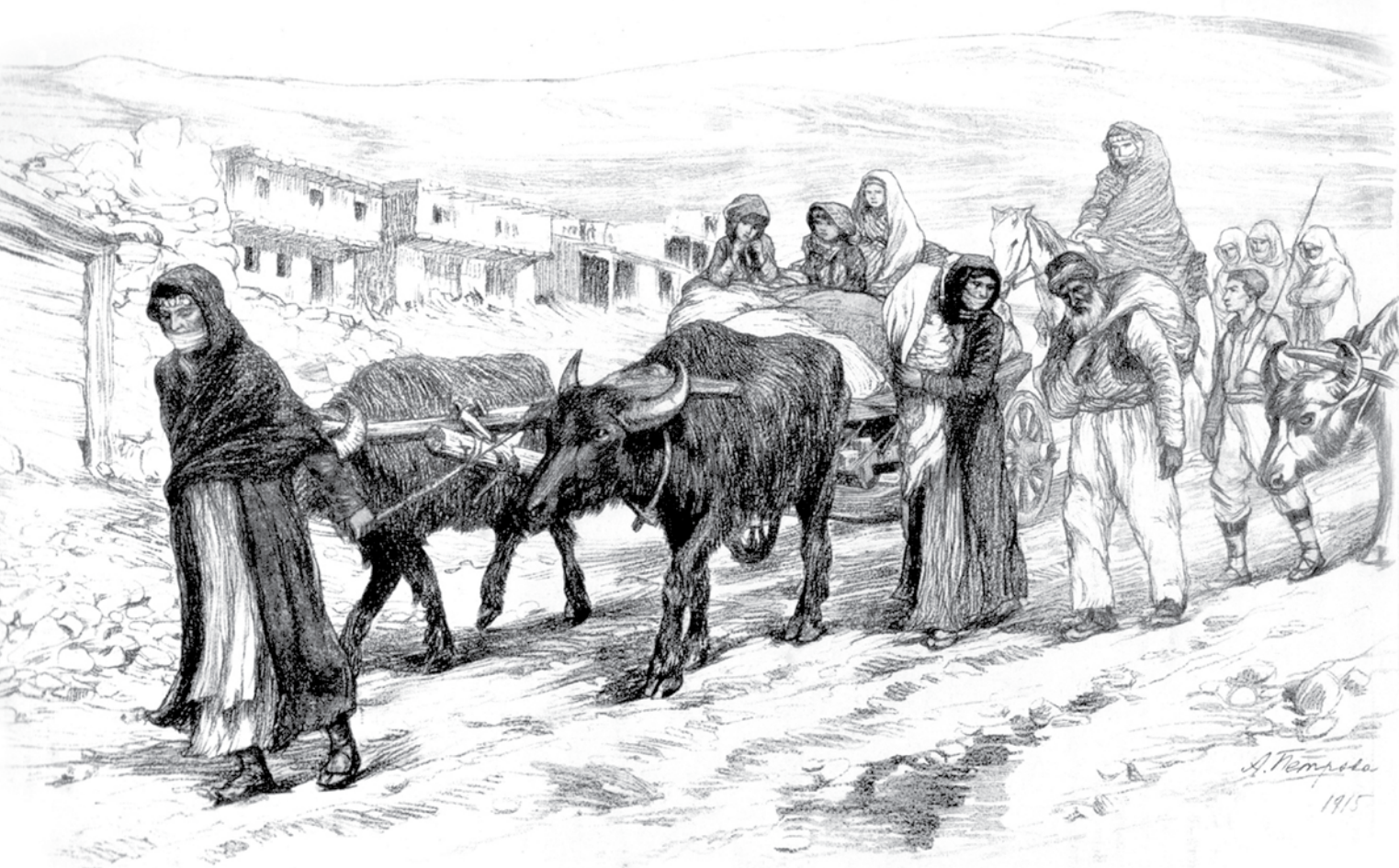
***

«Смотреть глазами и видеть сердцем! Смотришь порой на ярко освещенные цепи гор и дивишься многообразию оттенков... Когда всё это богатство красок переносишь на полотно, многие удивляются: разве бывают фиолетовые горы? Способность удивляться – величайший дар человека. ... Удивление ведёт к раскрытию истины ...»

Мартирос Сарьян

Армянскіе бѣженцы.
(Рис. худ. А. Петрова, собств. «Лѣтописи»).

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

Мартирос Сарьян родился в 1880 году в Нор-Нахичеване (ныне Пролетарский район Ростова-на-Дону). Так называли свой город переселившиеся на Дон по приказу императрицы Екатерины II крымские (анийские) армяне. Он был седьмым ребенком Саркиса и Устиназ (урождённой Чилингарян) Сариевых. Мальчику при крещении дали имя Мартирос. Всего же в семье было девять детей.

«Веками армяне вынуждены были покидать родину. Где бы они ни останавливались, создавали маленькую Армению. В конце XVIII века такой Арменией стал Новый Нахичеван, ныне Пролетарский район Ростова. Мои предки к берегам Дона приехали из Крыма при Екатерине II, а в Крым – из столицы средневековой Армении Ани. Я появился на свет в 1880 году в Новом Нахичеване. Нас было девять детей. Я был седьмым».*

Особое поэтическое восприятие природы зародилось в нём с раннего детства, проведённого на хуторе близ Нахичевана, где он жил с отцом, матерью, братьями и сёстрами.

Поначалу жили в доме старшего брата Саркиса, Вартана, который не нашёл для них места в доме, отгородил уголок в хлеву. Есть что-то символическое в том, что местом рождения Мартироса стала овчарня. Как и в том, что отец его был по профессии плотником. С утра до вечера батрачил Саркис на брата, но, увы, недовольство родственника из-за детского шума его огромной семьи не только не утихало, но и всё возрастало. Говорят, из-за зависти – у самого Вартана из троих сыновей только один достиг зрелого возраста. В результате семье Саркиса пришлось уйти со двора, уехать вовсе из города. Они направились в сторону армянских сёл (ныне Мясниковский район Ростовской области).

Какое-то время ночевали прямо в степи, под открытым небом. Мартиросу было тогда всего три года. Но на всю жизнь запомнил он, как охраняла их от волков овчарка с золотистой шерстью по кличке Полкан. Вглядываясь в небо, малыш впервые отметил тогда, как низко ночью над головой висит круглая луна, сколько тепла и доброты исходит днём от солнца.

Чтобы прокормить большую семью, Саркис Сариев поселился в небольшом хуторке, что в сорока километрах (50 верстах, как тогда говорили) от Нахичевана. Построил там небольшой домик из необожжённого

Род Мартироса Сарьяна восходит к Мкртичу – деду художника. До 1886 года семья носила фамилию Сариевы. Затем члены её стали записываться Сарьянцами. Со второй половины 1900 года художник и стал подписывать свои работы – Сарьян (буква «ять» была отмечена после революции 1917 года).

Мартирос Сарьян родился 16 февраля 1880 года, но после перехода на новый стиль исчисления дата сместилась на 29 февраля. Так как это число выпадает раз в четыре года, день рождения художника стали отмечать 28 февраля.

На вопрос, в чём секрет его долголетия, художник отвечал: «Так я же взрослею только раз в четыре года!» А на поздравления по случаю дня рождения говорил: «Каждый день – день моего рождения, так как я появляюсь на свет каждый день».

---

*Здесь и далее приводятся фрагменты книги воспоминаний М. С. Сарьяна «Из моей жизни»

«Домик в степи».

Дом семьи Сарьян
в хуторе Чкалов

кирпича для своей семьи. Покрывл его камышом. Саркис был из тех, о ком говорят «на все руки мастер». Особенно преуспел в плотничьем деле – ставил ветряные мельницы по всей округе.

«Оторванная от людей, одна в голой степи, наша чудесная семья работала упорно и дружно, создавая себе новую жизнь. Мы, дети, помогали отцу и матери всем, чем могли. С помощью отца вырыли колодец. Правой рукой отца был мой старший брат Матеос... Твёрдая земля постепенно поддавалась мощным ударам кирки. Наконец, обнажились пласты земли и внезапно отовсюду забили фонтанчики. Радости нашей не было предела – мы были обеспечены водой, а отец и Матеос в наших глазах стали героями» (М. Сарьян).

Читая книгу воспоминаний Мартироса Сарьяна «Из моей жизни», в каждом описываемом эпизоде невольно видишь и глубокий смысл, и предопределённость. Этот родник в степи, забывший вдруг, неожиданно и щедро после долгих и упорных трудов... Не намёк ли это высших сил (провидения) на то, как сложится судьба художника? Ведь и Мартиросу Сарьяну не сразу удалось найти себя, дойти до той корневой творческой сути, которая будет потом питать его мощно и обильно всю жизнь.

Сарьяны жили обособленно – никаких соседей поблизости. Даже особой растительности – деревьев, кустарников – не было.

«Вокруг горизонт и прекрасная в своей пустынности и строго-сти бескрайняя степь. Вдали на холмах вырисовываются силуэты двух ветряных мельниц..., а сколько их было в армянском селе Чал-тырь!» Эти картинки детства Сарьян будет вспоминать потом всю жизнь, считая, что именно тот хуторок в одну улицу, и то босоное счастье видеть, как день сменяет ночь, дождь – радуга, и сделали его художником.

Вот как Мартирос Сергеевич описывает природу, окружавшую его в дни детства: **«Огненный шар солнца висел над горизонтом, небо покрывалось багрянцем. Склоны окрестных холмов окрашивались золотисто-красным цветом, который контрастировал с тёмной сине-фиолетовой окраской затенённых впадин... Постепенно туман сгущался... Всё растворилось во всёпоглощающей сплошной синеве...»** Какие краски! И как же позже, уже став художником, Мартирос Сергеевич, так и не утратив детского восприятия мира, будет удивляться советским искусствоведам, упрекавшим его в отходе в творчестве от того, что они называли социалистическим реализмом, от правды жизни. Он ведь сам видел и этот багрянец солнца, и эту яркую синь скупых степных

Копия метрики семьи Сариевых

«Ветряная мельница». «Колодец». 1897 г.

Карандашный рисунок
матери. 1897 г.

Карандашный рисунок
сестры Катаринэ. 1897 г.

теней, отбрасываемых от редких деревьев. А писал он только то, что видел его глаза и сердце. Только!

Семья жила в постоянном труде, занимаясь скотоводством и земледелием.

«Каждая маленькая удача окрыляла нас. Отец сделал всё, чтобы обеспечить нам жизнь. Наконец, он обрёл самостоятельность и жил, окружённый стайкой своей детворы, трудился, зарабатывал на жизнь и был доволен всем. Тяготы жизни нисколько не озлобили его. Ещё в годы ранней юности я понял, что отец был не только трудолюбивым, но и добрым, умным и бескорыстным человеком. Все любили его и прислушивались к его советам. Вспоминается, что отец никогда не брал платы с бедняков, когда изготавливал для них ту или иную вещь».

Летом 1887 года Саркис Сариев решил, что пришла пора определять средних сыновей – девятилетнего Сероба и семилетнего Мартироса – в школу, обучать их грамоте. Значит, надо пускаться в путь: запрягать лошадей и везти в город – в Нахичеван. В утро их отъезда мать разбудила детей рано.

«Мы вскочили с постели, оделись, умылись, позавтракали и влезли в повозку. Отец с плетью в руке шагал рядом. Я тогда впервые заметил, что у нашей лошади подкованы только передние ноги. На мой вопрос, почему же задние ноги не подкованы, отец ответил: “Вот вы поедете в город, поучитесь, выйдете в люди, будете зарабатывать, я тогда куплю подковы и для задних ног”».

Ну как маленькому Мартиросу после таких слов отца не радоваться предстоящей учёбе?! Всю дорогу он мечтал о новой жизни в городе. Там в Нахичевани их уже ждали жившие у тёти Екатеринэ (сестры мамы) старшие брат и сестра – Ованес, блестяще к тому времени окончивший городское училище, и Анюта. Наконец, подъехали к городу, показавшемуся мальчику тесным, неудобным: дома стояли слишком близко друг к другу, и людей вокруг было непривычно много...

И хотя город и школа стали клеткой для «маленьких диких зверят», как называл себя с братом сам Сарьян, но именно здесь он встретил первого учителя рисования – Андрея Бахмутского. По его предметам он всегда получал пятёрки, а в конце года – похвальные листы. Пятёрки получал и от учителя географии Митрошина, когда приносил на уроки свои карты, раскрашенные акварелью. Но могли учителя отвесить и звонких затре-

щин, тогда **«ставить в угол и на колени, выгонять из класса со словами «идиот, подлец, негодяй, скотина, дрянь» было обычным явлением».**

В 1891 году, когда Мартиросу было одиннадцать лет, в семью Сарьянов пришла беда – заразился свирепствующим вокруг тифом отец. Он ещё не вполне выздоровел, когда наступило время страды. А значит, ему, как отцу большого семейства, нужно было подниматься с постели и выходить в поле, чтобы до осени успеть скосить и убрать урожай. Изнурённый тяжёлой болезнью, Саркис упорно работал, а уставая, ложился под стогом сена отдохнуть. Но однажды лёг и... больше не поднялся.

Сарьян оставил об отце проникновенные строки: **«Отец был трудолюбивым и беспредельно терпеливым человеком. Он был настолько добр, что даже замечаний нам никогда не делал, слыл он хорошим плотником и примерным отцом семейства. Вся жизнь этого человека прошла в повседневной напряжённой борьбе за существование. К счастью, он успел своими глазами увидеть, как его дети постепенно стали выбираться на самостоятельную дорогу».**

Столь же проникновенными, наполненными безграничной сыновней любовью были его слова о матери: **«Моя мать была необыкновенно трудолюбивой женщиной. Она хлопотала целый день: таскала на коромыслах вёдра с водой из колодца, топила печь, пекла вкусный хлеб и пышки, готовила обед, доила коров, сбивала масло, делала сыр.**

Она всюду успевала и всё делала легко, как мастер своего дела. Она была воспитана в духе христианства и часто молилась за счастье людей и просила Бога, чтобы он простил её, святую, за несовершенные грехи.

В минуты отдыха, которых у неё почти не было, она читала вслух молитвенник на красивом древнеармянском языке. Перед иконой висела лампадка, красиво отражающаяся в ризе. Мы с большим благоговением относились к этому уголку, в особенности в те часы, когда наша мать читала молитвенник, стоя на коленях и кланяясь до земли.

После молитвы, в которой она выражала благодарность Богу, поднимаясь с земли, она казалась ещё красивее. Мы бросались к ней, обнимали её колени, плотно прижимались к ней и чувствовали себя счастливыми. От неё ароматно пахло свежее испечённым хлебом и молоком».

Все заботы о семье взял на себя старший брат Ованес.

Портрет матери. 1898 г.

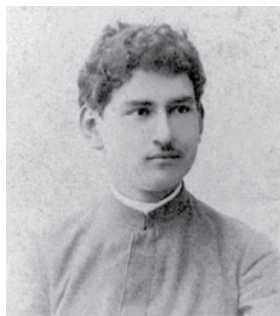

Мартирос Сарьян в годы учёбы в Нахичеванском реальном училище.

Похвальный лист Мартироса Сарьяна с выставки в Новочеркасске в 1895 г.

Мартирос Сарьян перед поездкой в Москву на учёбу. 1897 г.

Мартирос, освоив грамоту, пристрастился к чтению. Проходя по дороге в школу через рынок, он не мог не остановиться у лавки с книгами и не купить очередную книжонку, привлёкшую его яркостью переплёта. Однажды за пять копеек купил «Робинзона Крузо» и в тот же вечер прочёл. Эта книга долго ещё оставалась его самой любимой...

В 1896 году Мартирос окончил основной курс учёбы в городском училище и поступил на работу в контору, где принималась подписка на поступающие в Нахичеван журналы и газеты, и где он выполнял обязанности экспедитора и кассира. Здесь Мартирос проработал недолго – всего семь месяцев. Работа была не из лёгких: приходилось носить пакеты с тяжестью, мёрзнуть осенью, а потом и зимой на пронизывающем ветру. Но случались и маленькие радости: в свободное время и в отсутствие заведующего конторой Мартирос мог читать журналы, рассматривать иллюстрации. Когда же среди посетителей попадались интересные типажи, он садился в уголок и незаметно писал их портреты. Однажды один из рисунков увидел товарищ старшего брата Ованеса по фамилии Амбарданов. Выпускник московского Лазаревского института, тот с интересом принялся их рассматривать, а потом взял с Мартироса слово, что с этого дня он будет ему показывать всё, что нарисует. Так началась «карьера» юного Мартироса как художника. Окрылённый похвалой, он стал рисовать всё смелее и смелее. Как-то, воспользовавшись паузой в работе, принялся не таясь рисовать вошедшего в контору старого бородатого казака. Всем вокруг рисунок понравился. Но только не казаку! Тот сел в уголок и долго напряжённо молчал, а на следующий день... внезапно заболел. Поправившись, пришел к заведующему и пожаловался на то, что его работник напустил рисунком на него порчу. Мартиросу, конечно, досталось изрядно в тот день.

«Как было мне знать тогда, что всю мою жизнь моё искусство будет удостаиваться таких столь исключаящих друг друга оценок», – заметит позже не без горькой иронии Мартирос Сергеевич. Узнав о происшедшем, Ованес по совету друга Амбарданова, решил отправить брата в Москву учиться живописи. Ещё один приятель Ованеса, студент Московского университета, а впоследствии известный нахичеванский хирург Амбарцум Кечек, также дал дельный совет: прежде пусть Мартирос пройдёт подготовку у другого нашего земляка-нахичеванца Амаяка Арцатбаняна (в будущем известного донского живописца), обучавшегося в то время в Москве в Училище живописи, ваяния и зодчества.

Семья Сарьянов, 1896 год.
Слева направо:
сестра Такуи, братья Сероб
и Саак, сестра Катаринэ,
мать Устинаэ, Мартирос.

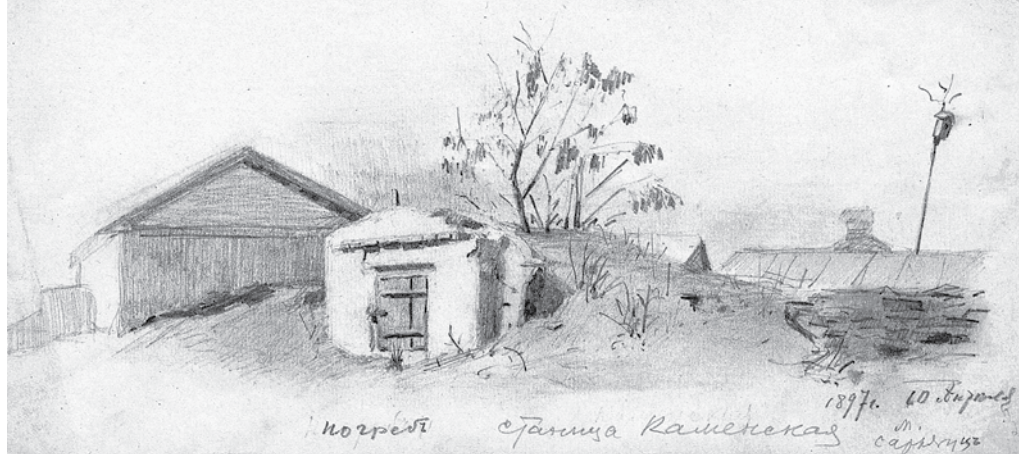

Амаяк Абрамович Арцатбаниян. Автопортрет. 1908 г.

Рисунок молодого Сарьяна, написанный Амаяком Арцатбанияном

В результате всё обернулось для Мартироса самым неожиданным, но и чудесным образом. Так паренёк, первые шестнадцать лет проживший частью на лоне природы, в донской степи, частью в патриархальном Нахичеване, вдруг очутился в Москве!

Приехавшему зимой провинциалу пришлось самостоятельно осваивать этот большой город с его многокупольными храмами, величественными памятниками, оживлёнными улицами.

Оказалось, что Амаяк Арцатбаниян, заболев, вынужден был лечь в больницу. Но Мартирос не стал терять времени зря, в ожидании пока будущий учитель оправится от болезни. Он решил самостоятельно погрузиться в мир, о котором грезил с подростковых лет. Выяснив, где находится Третьяковская галерея, на следующий же день после приезда отправился туда. Стал посещать музей регулярно, внимательно рассматривая висевшие там полотна великих русских живописцев, всматриваясь в манеру их письма, пытался понять технику накладывания мазков. Весной, когда Амаяк выписался из лечебницы, приступили к занятиям. Мартирос, к чести своей, оказался весьма прилежным учеником.

Ранним летом начинающие художники решили поехать на юг, поближе к знакомым им степным краям, прихватив, разумеется, с собой побольше красок, другие принадлежности для рисования. Остановились в казачьей станице Каменская. Однажды произошёл казус, запомнившийся обоим, описание которого вошло в будущем едва ли не во все книги воспоминаний о них.

А дело было так. Только молодые люди расположились на пленэре, как их обступили весёлой гурьбой местные ребята. Художники взялись за карандаши и кисти. Начали писать картины. Но... недолго. К детям стали

присоединяться и взрослые. Однако лица у них были далеко не такие же благодушные. У станичников вызвали большие подозрения смуглые лица незнакомцев: не цыгане ли, не наколдуют ли неприятностей своим рисованием?! Сообразив, что ещё минута-другая и они будут биты, Мартирос бросил Амаяку одну лишь фразу: «Я кончил, а ты?» Тот сразу всё понял. Сложив поспешно мольберты, они позорно, сопровождаемые злыми выкриками разъярённых станичников, бежали. Но на пути их остановил городской, потребовавший предъявить документы. К счастью, у Арцатбаняна было свидетельство от ректора училища, адресованное полиции с просьбой всемерно содействовать студентам во время их учебной работы.

Возвратившись в Москву, Арцатбанян и Сарьян сняли комнату у священника армянской церкви в Златоустовском переулке. Амаяк уходил на учёбу, а Мартирос рисовал по его заданию маски. Занятие, что там говорить, скучное, но и столь необходимое для будущего художника...

Осенью 1897 года Сарьян держал вступительные экзамены в Московское училище живописи, ваяния и зодчества (ныне Московский художественный институт имени В. И. Сурикова). Всё прошло отлично. В списке семнадцати человек, прошедших по конкурсу, он нашёл и свою фамилию!

Начался новый этап в жизни Мартироса Сарьяна.

Здание Московского училища живописи, ваяния и зодчества. Начало XX в.

Ученики Московского училища живописи, ваяния и зодчества.

Слева направо: Пётр Уткин, Владимир Половинкин, Мартирос Сарьян, Михаил Кузнецов, Павел Кузнецов, 1903 год.

Мартирос Сарьян.
1909г.

Первый класс училища считался «оригинальным». Днём там преподавали общеобразовательные предметы, а вечером студенты рисовали исключительно классические маски. В конце года Сарьяна перевели в «головной» класс. С девяти утра и до двенадцати здесь занимались живописью, писали этюды голов натурщиков. Преподавателем живописи был А. Корин, автор картины «Больной художник». В фигурном классе преподавали Н. Касаткин и С. Милорадович, а в натурном – Л. Пастернак и А. Архипов. Некоторое время Сарьян работал в мастерских А. Степанова и А. Васнецова.

Сарьян подружился со многими студентами. Вечера проводил у однокурсника Владимира Половинкина, снимавшего комнату вместе с Кузьмой Петровым-Водкиным и Павлом Кузнецовым. Сблизившись, молодые люди подолгу говорили о течениях в живописи, спорили об искусстве. В девяностые годы в училище была проведена реформа. Открылись мастерские. Преподавать пришли новаторы художественной мысли – молодые импрессионисты, ставшие впоследствии столпами русской живописи – Константин Коровин и Валентин Серов. Они вели портретную мастерскую. Пейзажную – И. Левитан и А. Васнецов. Работой анималистов руководил А. Степанов. Фактически в училище преподавали лучшие художники Москвы того времени.

Каждый год училище устраивало выставки внеклассных работ студентов. Принял в них участие в 1900 году и Сарьян, представив этюды, которые выполнил летом в родной донской степи. По этим выставкам можно было определить будущий путь студентов, судить об их симпатиях к отдельным состоявшимся художникам, об их интересе к определённым направлениям в искусстве. Уже тогда стало понятно, что Сарьян не из тех, кто готов слепо подражать тому или иному мастеру, пусть даже и весьма уважаемому им, значительному. Стремясь овладеть техникой графического и живописного письма, молодой художник всё же предпочёл идти своей дорогой.

Об этом периоде жизни Сарьян напишет так:

«Самое главное для человека, имеющего способности в живописи, это умение владеть кистью. Невозможно стать мастером, не владея в совершенстве кистью. Цвет, свет, форму, связь предметов между собой, взаимоотношение из различных частей художник должен передавать свободно, без напряжения. Уметь – это значит учиться. Другого пути для того, чтобы стать настоящим художником, не существует. Так достигается та «трудная лёгкость», которая во все времена отличала творчество больших мастеров».

Константин Алексеевич Коровин (23 ноября (5 декабря) 1861, Москва – 11 сентября 1939, Париж) — российский живописец, сценограф, литератор, действительный член Императорской Академии художеств (1905).

Валентин Александрович Серов (7 (19) января 1865 года, Санкт-Петербург – 22 ноября (5 декабря) 1911 года, Москва) — художник, портретист, график.

В 1903 году Мартирос Сарьян получил выпускной диплом и две малые серебряные медали, после чего работал в мастерских знаменитых русских живописцев Валентина Александровича Серова и Константина Алексеевича Коровина. Учился у них точности рисунка, умению быстро выхватывать из карусели лиц и событий простые изящные линии.

После шести лет обучения, вместо защиты диплома, Мартирос Сарьян остался ещё на полтора года в их мастерской на вечерних занятиях (его не смущало даже звание «некласного художника», которое давали бездипломникам).

Пробовал ходить и в мастерскую Левитана. Но тот, заметив, как смело пользуется молодой художник охрой, подошёл и сказал строго: *«Охрой писать натюрморт невозможно. Ею будете писать тело»*. Мог ли предположить великий Левитан, что именно охра станет для Сарьяна едва ли не главным цветом во всех его картинах – цветом солнца, цветом прославления жизни?!

«Серов и Коровин были совершенно разными по характеру. Серов был неразговорчив, как принято говорить, молчальник. А Коровин очень любил говорить. Они словно дополняли друг друга».

Сарьян с огромным почтением относился к своим главным Учителям живописи. Он вспоминает, как однажды Константин Алексеевич подошёл к одной из его работ и, после больших похвал, попросил продать ему, то ли желая поощрить ученика, то ли чтобы поддержать его материально. Смущённый и польщённый Мартирос тут же стал предлагать взять картину в дар, в знак его любви и уважения. Но Коровин продолжал настаивать, и Сарьян вынужден был принять от Коровина первый в его жизни гонорар – десятирублёвку.

Надо заметить, что хотя Сарьян не имел в те годы источника доходов, но особо и не нуждался, так как его поддерживал брат Ованес, регулярно присылавший деньги из Нахичевани. Благо дела у него шли неплохо.

В 1901 году Мартирос Сарьян вместе со студентом отделения зодчества Геворком Миансаряном впервые едет в Армению – в ту самую мифическую прекрасную страну предков, о которой рассказывала мама по вечерам, укладывая детей спать.

Ожидания не обманули его. Сарьян, очарованный увиденным, пишет: ***«Караваны верблюдов с бубенцами, спускающиеся с гор, кочев-***

ники с загорелыми лицами, уличная жизнь пёстрой толпы; тёмные миндалевидные глаза армянок – всё это было настоящее, о чём я грезил в детстве».

Но одновременно сердце Сарьяна наполняется страданием и горечью: *«...мы приехали в Армению, в нашу разорённую страну, на протяжении многих столетий страдающую под чужеземным игом. Миротворительный творческий народ с тысячелетней культурой, никогда никого не угнетавший и не грабивший, но сам почти непрерывно угнетавшийся и подвергавшийся грабежам... Поразительна идущая из глубин веков армянская архитектура, остатки которой чудом сохранились в глубоких ущельях и теснинах, на склонах неприступных гор... Многое было варварски уничтожено и исчезло навсегда, а большая часть оставшихся памятников постепенно разрушалась, оказавшись без какого-либо присмотра... Первым, кто занялся изучением этого чудесного искусства, был выдающийся академик Николай Яковлевич Марр. ... Результаты раскопок, произведённых Марром, были представлены в созданном им чудесном музее в Ани, который, однако, был варварски уничтожен во время турецкого нашествия в 1918 году».*

Летом 1902 года Мартирос Сарьян вновь отправляется в Армению. Добирается до родины предков, величественного некогда города Ани, а

Николай Яковлевич Марр (25 декабря 1864 (6 января 1865) – 20 декабря 1934) – грузинский, российский и советский востоковед и кавказовед, филолог, историк, этнограф и археолог, академик Императорской академии наук (1912), затем академик и вице-президент АН СССР.

Сарьян в Ани. 1902 г.

Портрет Т. Тораманяна .
1934 г.

Торос Арутюнович
Тороманян (1864–1934) –
армянский архитектор и
археолог, исследователь
истории архитектуры
Армении, заслуженный
деятель науки Армянской
ССР (1933 год).

ныне представлявшего собой груды камней, на которых уже трудно разглядеть следы работ гениальных каменотёсов и архитекторов прошлого. Два чувства одновременно обуревали его – ужас от увиденного разорения и восторг от вида ошеломившего его города: Ани, хотя и разрушенный в результате многочисленных набегов варваров, но всё равно прекрасный. Особенно потрясают Сарьяна увиденные в Армении древние храмы. От одного взгляда на них, стоящих среди скал, у него перехватывало дыхание – так просты, аскетичны и изящны они были.

Находясь там, в разрушенном Ани, Сарьян заводит привычку молиться перед работой, которой потом будет следовать всю жизнь. На первой странице записной книжки, которую он ведёт в те дни по-русски, единственная запись на армянском – текст древней молитвы о победе добра над злом. Тогда же, находясь в Армении, Сарьян понял, что «изящество» – это от слова «изъять», отсечь лишнее. Вот отчего так всегда изящны по своему замыслу и решению его картины, так много в них благородной простоты.

В Ани он пишет мало. О городе потом скажет коротко: «**...Описывать Ани невозможно. Ани надо видеть...**» Но всё же сделал кое-какие наброски, чтобы позже написать портрет великого зодчего, человека, оставившего потомкам план архитектуры Ани, Тороса Тораманяна.

В 1903 году Сарьян во время очередной поездки в Армению познакомился с будущим классиком армянской литературы Аветиком Исаакяном. Встреча была мимолётной. Позже они вновь встретятся, но уже в Венеции. И с тех пор уже не будут расставаться, станут друзьями, а позже даже и родственниками – поженятся их внуки. Но это случится много-много лет спустя...

С тех пор путешествия в Армению стали обычными в жизни Сарьяна. Тогда же главным жанром в творчестве Мастера стал тот, которому искусствоведы позже дадут такое определение – мифическая реальность.

Впечатления от увиденного и пережитого в Армении, мысли и мечты об Армении настолько зыбки, туманны, почти эфемерны, что складываются за 1903–1907 годы в цикл акварелей.

Эти летние поездки в Армению не были плодотворными с точки зрения готовых работ – их сохранилось немного. Зато путешествия подарили Сарьяну нечто большее – ощущение Родины, её запаха и цвета. Сарьян буквально впитывает в себя дух Армении.

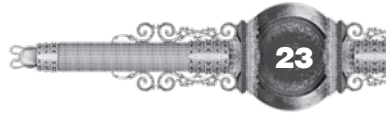

Ощущение это было настолько сильным, что оно, как отмечал исследователь творчества художника Д. Сарьянов, *«не найти сразу отражение в исполненных здесь, в Армении, его работах не могло»*. Однако впечатления эти были пока не вполне ясные, смутные. Представления о совершенно новых формах изображения природы, столь свойственные Сарьяну более позднего периода, в те годы ещё только зарождались.

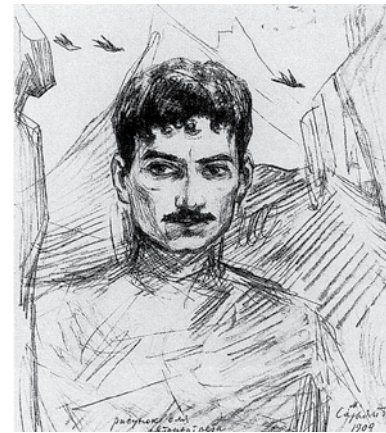
***«Самый трудный период моей жизни – это время первоначальных исканий. ...Проторённые дороги не удовлетворяли меня... Я решил следовать своим собственным устремлениям... Всё, что я писал с 1904 года, было сплетением реальности и фантастики. Реальности, потому что я писал под впечатлением увиденного; фантастики, поскольку я синтезировал это в своём воображении»*.**

18 марта 1907 года в Москве открылась ставшая впоследствии знаменитой выставка «Голубая роза». Выдержанная исключительно в серо-сине-голубых тонах, она наделала много шума среди столичной публики. Для Мартироса Сарьяна это была первая в жизни выставка, в которой он принял участие как профессиональный художник. Организаторы решили, что все сюжеты представленных 104 картин должны походить на сон. Собственно, это была не столько выставка, сколько манифестация нового объединения «голуборозовцев» – художников-символистов второй волны.

Пресса, откликнувшаяся на выставку, была разноречива. Особенно досталось молодым художникам, посмеявшим писать в новом, а значит, непривычном для зрителя стиле фовизма. В числе других была освистана и картина Сарьяна «Комета». В ней звезда падает на землю, отражаясь в глазу озера. Это видит помещённый в центр события человек с единственным оком – не кто иной, как сам художник. Понять заложенный художником замысел удалось не всем, поэтому публика решила, что Сарьян попросту не владеет азами ремесла. «Можно ли пускать таких, как Сарьян, на выставки?» – написал некий критик в одной из газет. К счастью, столь нелестные слова не сильно огорчили молодого художника. Он пишет другу: ***«... лаются почти все газетные собаки, ведь ругаться легче..., а сделать что-нибудь – труднее всего. Я иду твёрдо по своей дороге и больше чем убеждён в правильности того, что делаю»***.

Мартирос Сарьян. 1924 г.

«Автопортрет». 1909 г.

Сарьян принял участие ещё в нескольких нашумевших, но и подвергнутых критике выставках художников новой волны. На одной из них особенно выделился играющий всеми цветами сарьяновский «Автопортрет». Некоторые посетители считали, что, представляя такую живопись, художники желают над ними посмеяться, «требовали обратно свои 40 копеек».

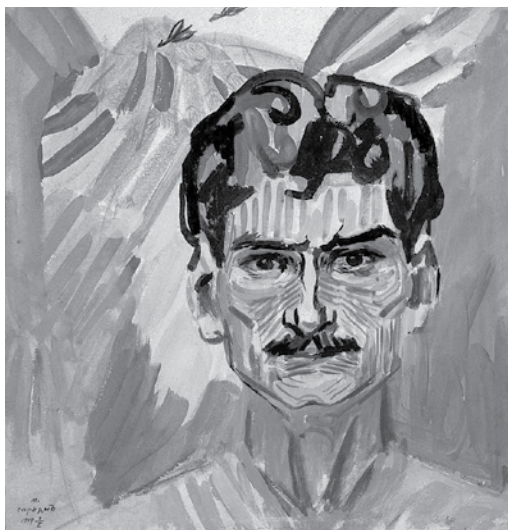
Чувство цвета было у Сарьяна врождённым. Цвет для него – главное. Это-то поначалу и возмущало зрителей. Такую живопись не понимали, а потому и не принимали многие в те годы.

Но однажды именно к «Автопортрету» Сарьяна подошёл меценат Сергей Иванович Щукин, известный как коллекционер западной живописи и особенно работ, написанных в жанре постимпрессионизма и фовизма. Он воскликнул: *«Работа чудесная! Вы великолепный портретист!»* И тут же заказал Сарьяну портрет своего сына. Тот ошеломлённо молчал. ***«Я стоял перед невыразимой трудностью. Как написать заказанный Щукиным портрет, чтобы не повториться, чтобы он был безупречен? Ведь имеешь дело с Щукиным. Особенно обязывали меня его похвалы. Мой друг Павел Кузнецов успокаивал и подбадривал меня, приговаривая: «Это чудесно! Тебе просто повезло!..»***

Наконец я решился: Щукина надо писать не так, как я писал свой автопортрет, а чисто декоративным методом. Писал я темпе-

«Автопортрет». 1909 год.

Портрет сына известного московского купца, мецената и коллекционера С. И. Щукина специалиста по восточному искусству И. С. Щукина. 1911 г.

рой, с большим воодушевлением. Я выставил портрет на выставке «Мира искусства» в 1911 году в зале Литературного кружка. Здесь увидел Серова, который стоял перед моими картинами. Я подошёл к нему и поздоровался. Он не ответил, повернулся к портрету Щукина и, указывая пальцем, воскликнул: «Пушка! Две пушки!» Это было сказано о широко раскрытых, пристально смотрящих глазах. Таков был Валентин Александрович, всегда скупой на слова, не допускавший излишеств и очень меткий в характеристиках. Глаза его сияли от восторга, а уж моей радости, понятно, не было границ».

Сарьян позже признавался, что именно коллекция Щукина влюбила его в современную французскую живопись. По воскресеньям Сергей Иванович устраивал экскурсии для художников по залам домашней галереи. Такого собрания Сезанна, Матисса, Гогена, Ван Гога, Пикассо не имел ни один музей. Щукин, по воспоминаниям, гордо показывая новоприобретённого Гогена, говорил: «Сумасшедший писал – сумасшедший купил». Сарьяна же знакомство с французами ещё более окрылило, убедило в правильности выбранного пути. Многие деятели искусства и литературы начали отмечать талант Мартироса Сарьяна.

Живя в Москве, Мартирос Сарьян в начале прошлого века принимал участие в выставках Ростово-Нахичеванского общества изящных искусств. В это Общество входили такие известные донские художники, как А. С. Чиненов, С. М. Агаджанян, А. И. Мухин, А. Г. Черчопов, И. С. Богатырёв, Я. М. Павлов, П. И. Черкасов, Ф. С. Гончаров, Д. С. Фёдоров, И. А. Гринман, А. А. Арцатбанян. На этих выставках можно было увидеть картины А. К. Ованесова, Г. И. Шилтяна, других талантливых художников Нахичевани. В «Каталоге Первой весенней выставки Ростово-Нахичеванского на Дону общества изящных искусств» за 1911 год указано, что среди прочих работ выставлены и картины Мартироса Сарьяна – «Горы», «Комета», «У гранатового дерева», «Цветы», «На гранатовом дереве».

Однако широкое признание в начале творческого пути художник приобрёл благодаря статье поэта, художника и публициста Максимилиана Волошина «Товарищество московских художников», опубликованной в 1911 году в первом выпуске самого влиятельного художественного журнала «Аполлон», в котором молодые интеллектуалы и художники более всего мечтали увидеть свои имена.

Максимилиан Александрович Волошин (фамилия при рождении – Кириенко-Волошин; 16 (28) мая 1877 – 11 августа 1932) – русский и советский поэт, переводчик, художник-пейзажист, художественный и литературный критик.

В той статье Волошин обратил внимание читателя не столько даже на картины художника, сколько на... звучание его фамилии, то, какими красками оно отзывается: *«В целом – при произнесении этого имени мерещится словно исступление жёлто-оранжевого цвета, прикрытое синевато-сизым пламенем, напоминающим фиолетово-медные отливы мавританской керамики... Для художника – большое счастье, если звук его имени может стать настоящим именем его искусства, если оно звенит и поёт созвучно его краскам, если оно является “сезамом”, отверзающим миры его творчества. Сарьян – удачник».*

В следующей своей статье «Художественные итоги зимы 1910 – 1911 гг.», опубликованной в том же «Аполлоне», Волошин более пристально всматривается в картины именно Сарьяна: *«Самым неожиданным и радостным явлением этого года был, на мой взгляд, Сарьян... Это художник, нашедший свой стиль, и это резко отличает его от Кузнецова, Милиоти, Судейкина, которые изобрели себе характерный почерк, ...но не смогли подняться до высоты стиля. ...Сарьян смог органично соединить импрессионизм и стилизацию. Такого подлинного Востока, прочувствованного восточной душой, ещё никто не показывал».*

Впервые М. Сарьян и М. Волошин встретились в 1913 году. **«Волошин пришёл ко мне, внимательно изучал мои работы, советовался со мной. Я дал ему тетради с моими мыслями о разных проблемах. Он с радостью взял их и с энтузиазмом начал работу»**, – напишет потом художник. Так появилась статья Максимилиана Волошина «М. С. Сарьян», опубликованная всё в том же популярном в те годы журнале «Аполлон» (1913 г., N 9). Она начинается с общих рассуждений об интересе к искусству Востока среди русских и европейских живописцев. Далее следует анализ различий в образе мышления, мировоззрения, верованиях между европейцами и народами Востока и вывод, что большинство европейских художников смотрели на Восток глазами туристов. Их привлекала экзотика. Глубокое понимание жизни и сущности искусства Востока в их работах отсутствовало. А Сарьян обращается к Востоку с сыновним чувством. Волошин отмечает неожиданно, но точно, что Сарьян не ориенталист во все (то есть приверженец Востока), *«он сам – сын Востока, оторванный от своей страны, прошедший европейскую школу, перенесённый в северные города. Его творчество пробуждено сыновним чувством. Его романтизм – тоска по родине. Поэтому в его искусстве нет любопытствующего взгляда*

путешественника, нет коллекционерства экзотических редкостей, отличающего ориенталистов. В нём нет “литературы”».

В статье анализируется художественный стиль Сарьяна. Как важная особенность подчеркнуты лаконизм, ясность, отсутствие мелочной детализации, скупость изобразительных средств. Волошин пишет: *«Чем меньше слов, тем сильнее сила выражения; чем меньше линий, тем выразительнее рисунок. Чем проще сочетание красок, тем больше они могут сказать. Руководящей нитью для Сарьяна был принцип упрощения в равной мере как рисунка, так и цвета. Сарьяну восточный инстинкт подсказал, как можно уничтожить все детали и как бы избытком цвета можно восполнить простую линию силуэта»*.

Как же прав был Волошин! Мартиросу Сарьяну не нужно было ни славы, ни денег, ни женщин. Он был одержим одной страстью – живописью. Он был готов пойти на всё, только бы оставаться свободным художником и путешествовать в поисках новых образов. И путешествовать прежде всего на Восток! Туда его тянуло всегда. Неизменно и неуклонно.

Первое путешествие Сарьяна на Восток относится к 1910 году, когда он побывал в Константинополе. На корабле он попал в ужасный шторм. Невольно тогда вспоминал он о том, что когда-то по пути именно в Константинополь погиб брат прадеда Вартан, позже в шторме едва не утонул сам прадед. Но желание оказаться в древней византийской столице было сильнее страха, навеянного этими семейными историями. В Константинополе Сарьян прожил почти два месяца. На этот раз погода была прекрасной. Он стоял на корме судна: солнечные лучи рассыпались по глади моря, играли в воде нежно-золотистыми красками. Все эти впечатления ложились в копилку памяти художника, чтобы вынырнуть потом, войти в картины и остаться там уже навсегда. Из Константинополя в Москву Сарьяном было привезено восемь картин – очень лаконичных и очень цельных. Спустя несколько дней к нему подходит взволнованный устроитель: «Поздравляю! Комиссия Третьяковской галереи купила две ваши работы!» Такое случилось впервые. Никогда прежде галерея не покупала сразу у одного художника сразу две картины, да ещё и у не вполне знаменитого, не увенчанного славой. Однако новый Сарьян потрясает, восхищает, удивляет всех. О нём начали писать искусствоведческие статьи. Пришло признание!

Тогда в первые в жизни у Сарьяна на руках оказалась большая сумма – 400 рублей. Он навещает родные донские края, маму. Частью денег

«Даже сама фамилия Сарьян цветистая, как его яркие холсты. Корень «сар» на восточных языках обозначает жёлтый цвет, то есть полноту света, солнечный ореол. Окончание же его имени созвучно словам «рдяный», «пряный», «рьяный». Его имя звенит всем узычивым и красочным романтизмом Востока».

Максимилиан
Волошин

Мартирос Сарьян
в Египте. 1911 г.

поделился со старшим братом Ованесом, который опекал его во все годы учёбы в Москве. С новым чувством смотрит Сарьян на приазовские степи, которым посвятил в прошлые приезды такие свои работы, как «Цветы Самбека», «Утро в Ставрино», «В роще у Самбека».

Проведав родных, Сарьян на вырученные деньги предпринимает новые путешествия. Конечно же, снова на Восток. Он едет в Египет, Персию. Прав, тысячу раз был прав Волошин, написавший, что *«в нём словно проснулись все коды Востока, на которых он вырос. Это было не столько узнавание Востока, сколько узнавание себя, своей культуры, своих корней»*.

На Востоке Сарьяна увлекала не только декоративно-красочная экзотика, но и сама жизнь – своеобразный неповторимый быт, природа, безоблачное синее небо, дышащее в полдень раскалённой жарой, а в полночь бездонной тьмой, контрасты пылающего солнца и резких фиолетово-голубых теней. Всё это передаст Сарьян позже в своих картинах не только в изобразительном рассказе, а больше в виде цветовых впечатлений от увиденного. При этом Сарьян показывает не экзотику, нарочито выделенную, выставленную кистью художника, а самую обыденность, увиденную где-нибудь, предположим, в предместье Каира.

Та поездка оказалась творчески удачной. На выставке в Москве Сарьян показывает сразу несколько картин – «Глицинии», «Фруктовая лавочка в Константинополе», «Улица. Полдень. Константинополь».

Ашхабад. 1934 г.

Между тем в Москве у Сарьяна уже появились заказы, гонорары, своя мастерская. Осенью 1911 года на выставке в Риме имели большой успех работы Сарьяна египетского цикла.

Картина «Константинопольские собаки», написанная после путешествия в Турцию, участвовала в 1912 году во второй выставке постимпрессионистов в лондонской галерее «Графтон». Оказавшись в те годы в Тифлисе, он участвует в работе Армянского этнографического общества. Свои новые пейзажи и натюрморты представляет на выставке московского журнала «Мир искусства», а затем – в шведском Мальмё, на Балтийской выставке. Казалось бы, вот она – известность! Вот успех!

Но нет, Сарьян не может останавливаться в своём творчестве, отработывая уже найденные стиль и почерк. Он стремится увидеть новое и рисовать по-новому. Планирует поездки в Китай, Индию, Японию...

Увы, всё рухнуло с началом Первой мировой войны.

Константинопольские зарисовки. 1911 г.

«Страна Наири»
(по мотивам одноимённого романа Е. Чаренца).
1933 г.

Сарьян. 1915 г.

1915 год. Самый чёрный год в и без того нерадостной истории армянского народа последних веков. Сарьян, бросив всё – мастерскую, московских друзей, запланированные выставочные проекты, – мчится в Святой Эчмиадзин. В то время туда пришли из Западной Армении около ста тысяч спасающихся от резни и геноцида турецких армян. Небольшой городок, в котором с IV века находится резиденция Католикоса всех армян (в то время католикосом был Геворк V), которого армяне по древнему обычаю именовали Отцом народа, с трудом вмещал такое количество беженцев – в основном детей, лишившихся родителей. По свидетельствам современников, это собрание людей больше напоминало ад на земле. Ставшие очевидцами ужасов геноцида (по-армянски Мец Егерн, то есть Великое Злодеяние), искалеченные душами и телами, заражённые самыми разными болезнями, грязные и голодные, дети погибали на глазах у бессильных что-либо сделать взрослых.

Сарьян с друзьями пытались помочь несчастным. Были образованы добровольные благотворительные общества, но и они ничего не могли сделать. На глазах у Сарьяна одна женщина, которой он пытался помочь, похоронила в течение шести дней всех своих детей – в день по ребёнку. Они умирали от дизентерии. Последнему сыну мать сшила саван из своей одежды. Она была почти обнажена. И так как ниток не было, выдергивала из своих длинных кос волоски, продевала их сквозь игольное ушко и шила.

Всё пережитое привело Сарьяна в состояние, близкое к психическому расстройству. Он напишет позже: **«Я ушёл прочь. В глазах темнело. Кричать не мог. Перед затуманенным взором мелькали страшные призраки виденного... Затем всё смешалось и стало вертеться с какой-то быстротой вокруг Рипсимэ, кафедрального собора, Звартноца, Шохаката (церкви в Армении). Через несколько дней я очутился в Тифлисе...»** Оказалось, что от судьбы другого армянского гения, композитора и священника Комитаса, потерявшего разум после всего увиденного им зла, творимого турецкими янычарами, Сарьяна спасли друзья. Они увезли его в Тифлис. Но, потрясённый, он ещё долго не мог брать в руки кисть, писать. Эти месяцы, когда не касался красок, биографы назовут первым периодом молчания. Будет и второй. Но об этом позже...

Первой картиной, которую Сарьян написал, оправившись от болезни и вновь встав за мольберт, был натюрморт – букет с красными цветами.

Он всегда поступал именно так. В самые сложные, самые драматические, а порой и трагические периоды жизни рисовал не боль, не страх и ужас от переживаемого, а что-то светлое, ясное, открытое и божественно прекрасное. Он писал цветы! На вопрос, почему именно цветы, отвечал: **«Искусство не должно возвращать людей в кошмар, который они пережили наяву. Глазам, пролившим слёзы, и душам, испытавшим страдания, надо дарить красоту и радость».**

В то время в Тифлисе жили многие представители армянской интеллигенции. Писателем и поэтом Ованесом Туманяном (ныне признанным классиком армянской литературы) было создано «Товарищество армянских писателей», объединившее самых достойных тифлисцев того времени, кстати, не только армян. Организацией было создано благотворительное кафе «Чашка чая», в которое заходили многие художники, поэты, писатели, артисты. Здесь, сидя за чашкой чая, они рассуждали о литературе, искусстве, строили планы о проведении будущих выставок, издании журналов.

На одном из вечеров внимание Сарьяна привлекла девушка в чёрном. Она сидела за одним столиком с подругой, педагогом музыки Н. Асламзян и режиссёром Степаном Капанакяном. Оказалось, что это дочь Газароса Агаяна (педагога, одного из лучших армянских детских писателей-сказочников) – Лусик. Девушка преподавала в женском училище Ованян и после смерти отца вынуждена была жить на скромные учительские средства. Их познакомили. Мартироса привлёк вначале внешний облик девушки – её обаяние, пластичность фигуры, правильные черты лица. Но всё это оказалось слабым отражением её внутреннего мира – тонкого, интеллигентного, глубокого.

«Нельзя было отвести глаз от обаятельного образа этой девушки. Косой разрез больших глаз, выразительные губы, прекрасная головка, изумительная шея, стройные плечи, изящные руки, пластичная фигура и ясное лицо, легко и открыто передающее душевные переживания. Весь её облик, а также природное кокетство и звонкий радостный смех превращали её в какое-то живое произведение искусства».

М. Сарьян

Слева направо: Аветик Исаакян (сидит), Ованес Туманян, Геворг Башинджагян, Газарос Агаян, Вртанес Папазян, Комитас, Аршак Чобанян – члены литературного клуба «Варнатун» в мастерской Башинджагяна. Тифлис, 1908 г.

Лусик Агаян. 1915 г.

Лусик в переводе с армянского означает Свет. Жена Сарьяна действительно стала Светом всей жизни художника. Они проживут вместе 56 лет, пройдут весь отведённый им путь, поддерживая друг друга и в горе, и в радости. К сожалению, и того и другого у них будет много. Но если бы не было рядом с Мастером его Лусик, кто знает, был бы явлен миру тот самый Сарьян, которого мы называем певцом солнца, беззаветной любви к людям и природе, было бы в его картинах столько страстной жизнеутверждающей силы?!

Влюблённый с первого взгляда в Лусик Сарьян напишет позже: **«Между нами не было романа – это была встреча двух людей, как бы давно знавших друг друга. Мы никогда не расставались. Даже простившись на время, я чувствовал её присутствие рядом и знал, что это самый близкий мне человек».**

Следующие полвека он будет постоянно доказывать это своими картинами, на которых Лусик Сарьян, меняясь со временем, предстаёт перед зрителем всегда прекрасной, любящей женщиной – женой, матерью, хозяйкой большого дома.

В тот период Сарьян был очень стеснён в деньгах. Всё заработанное отсылалось брату, в Нахичеван, у которого дела шли неважно. Не надеясь найти в Тифлисе работу, Сарьян уезжает в Москву для участия в организуемых там выставках.

Но перед отъездом Лусик на свои сбережения заказывает два кольца, на которых попросила ювелира выгравировать – 14 октября 1915 года, дату их первой встречи.

Зимой 1916 года Сарьян в последний раз принял участие в выставке «Мир искусства». Удалось ему принять участие и в другой выставке – «Московские художники – жертвам войны». Тогда же он написал портрет Софьи Дымшиц, жены Алексея Толстого. Одновременно с ним портреты её писали по заказу писателя ещё два замечательных художника – Николай Милиоти и Борис Кустодиев. Это было своеобразное творческое соревнование, устроенное Толстым. Знали ли об этом художники – неизвестно. Однако работа Сарьяна заказчикам понравилась, и он был ими щедро вознаграждён. Что было весьма кстати накануне предстоящей свадьбы с Лусик.

Весной 1916 года Сарьян возвратился в Тифлис, и 17 марта они с Лусик обвенчались в сельской армянской церкви. Свидетелями были друг Сарьяна Геворк Миансарян и мать Лусик. После венчания они вчетвером расположились на полянке, на краю села, и весело отпраздновали это событие.

А ещё через несколько дней Сарьян с молодой женой отправится в родной Нахичеван, где поселится у матери – в одноэтажном доме на 1-й Софиевской улице (ныне ул. 1-я Майская, 29). Здесь в 1917-м рождается их с Лусик первенец, наречённый Саркисом в честь отца Мартirosа

Мартiros Сарян
с женой Лусик и сыновьями.
1924 г.

Сарьяна. А через два года – второй сын Газарос, названный уже в честь отца Лусик, Газароса Агаяна (позже он слегка переименовал своё имя, становится Лазарем).

Здесь стоит заметить, что революционера в искусстве новое государство поначалу приняло как своего. В 1920 году созданный в Москве ВХУТЕМАС (Высшие художественно-технические мастерские) предлагает Сарьяну место. Но он остаётся в Нахичевани.

В это время в Ростове и Нахичеване было решено создать объединённый Комитет по делам музеев и охране памятников искусств, старины, народного быта и природы. В составе членов Комитета, куда входили ростовские и нахичеванские учёные, художники, искусствоведы, был и Мартiros Сарьян. Он активно взялся за работу по спасению исторических памятников, предметов старины, произведений живописи и скульптуры Нахичевана. Тогда же стал директором созданного по его же инициативе Армянского краеведческого музея, куда привлёк к работе известного нахичеванского историка и краеведа Ерванда Шахазиза. Основу фондов

В этом доме 1890-х гг.
постройки с 1916-го по
1921 годы жил художник
Мартiros Сарьян.

Мартiros Сарьян, 1919 г.

Александр Фёдорович Мясников (наст. фамилия Мясникян, псевдоним — Мартуни) — революционер, партийный и государственный деятель. Автор ряда трудов по теории марксизма-ленинизма, истории революционного движения и армянской литературы.

этого музея составили предметы быта, вывезенные армянами в XVIII из Крыма, утварь, рукописи с миниатюрами XII–XIV веков, старинные церковные реликвии. Открылся музей 3 октября 1920 года. Однако просуществовал, увы, недолго...

В конце 1920 года была провозглашена Армянская Советская Республика. Ревком Армении обратился к живущей в России армянской интеллигенции – учёным, литераторам, деятелям культуры и искусства – с призывом переехать в Армению, приложить свои силы и знания на благо возрождения Родины. Многие уроженцы Нахичевана, преисполненные патриотическими чувствами, рискнули переехать из относительно спокойного и сытого донского края в разорённую, нищую после учинённого османскими турками геноцида армян Армению. Задумались о переезде и Сарьяны.

Весной 1921 года видный партийный и государственный деятель Александр Фёдорович Мясников (Мясникян) по решению ЦК РКП(б) был направлен на работу в Армению, где возглавил Совет народных комиссаров республики. По пути в Ереван он заехал в родной Нахичеван, встретился с Сарьяном, которого знал с юности.

Сарьян попросил его организовать ему переезд в Ереван. В августе 1921 года Мясникян прислал Мартirosу Сергеевичу официальное приглашение для участия в создании в Армении республиканских учреждений культуры. Вскоре состоялся и сам переезд. Мясникян направил из Армении в Ростов вагон с подарками для бойцов Красной Армии. Этим же вагоном 1 октября 1921 года обратно в Ереван выехал Сарьян с женой, двумя детьми и старшим братом Ованесом.

Переезд длился две недели. Стояли сильные морозы. Вокруг ещё виднелись следы войны. Было много нищих и бездомных людей. Повсюду бродили голодные полуголые сироты – беженцы из Османской Турции.

В Ереване старинный друг Сарьяна Ашот Ионнисян, занимавший должность народного комиссара просвещения, сразу же поручает ему организовать Музей археологии, изобразительного искусства, истории и этнографии, Комитет по охране памятников старины, а также Союз художников республики и художественное училище. Сарьян воспринимает эти поручения и назначения как трудную, но почётную миссию, которую он должен выполнить ради своего народа. В те первые годы своей жизни в Армении он был особенно возбуждён и деятелен, был полон надежд, пла-

нов. Воспользовавшись своими обширными дружескими связями, предложил многим талантливым искусствоведам, художникам, архитекторам переехать жить в Советскую Армению. Позже он напишет об этом так:

«Многовековой путь нашего народа не раз прерывался погромами, резнёй, вторжением орд захватчиков. ... После перенесённых тяжёлых испытаний уцелевшая часть армянского народа на небольшом клочке земли, у подножия Арагаца, не успев ещё осушить слёз, стала закладывать в условиях воцарившегося справедливого строя основы своей новой экономической и культурной жизни. Это были первые шаги к будущему возрождению древнего народа».

В 1916 году в Тифлисе Мартирос Сарьян, вместе с Егишей Тадевосяном, Вардгесом Суренянцем и Фаносом Терлемезяном, участвовал в создании «Союза армянских художников». 1916 г.

В 1921 году правительством Армении был объявлен конкурс на создание государственного герба и правительственных наград. В качестве герба Советской Социалистической Республики Армения (ССРА) был принят вариант, представленный художником М. С. Сарьяном.

Аветик Саакович
Исаакян (1875–1957)
– армянский советский
поэт, прозаик, публицист,
общественный деятель.

Основой музея стали картины, присланные из Тифлиса членами «Товарищества армянских художников», а также богатая этнографическая и археологическая коллекции Ерванда Лалаяна. Для художественного училища нашли удобный дом, окружённый фруктовым садом.

Через два года, когда всё было налажено, Мартирос Сергеевич стал постепенно отходить от административной работы, возвращаться к активному творчеству. Сарьян в эти годы пишет как никогда много – портреты артистов, литераторов, комиссаров новой Армении, саму Армению – в его представлении ярко-жёлтую, залитую радостным горячим солнцем. На пленэрах он со всё более возрастающей с годами любовью изучает природу и людей Армении. Желание передать реальную, предметную сторону жизни своего народа приводит его к быстрой, этюдной манере письма маслом. В его работах, словно кадр за кадром, встают обожжённая солнцем долина («Армения, этюд»), низкие глинобитные домики с плоскими крышами («Ереван, этюд»), летний зной («Арагац летом»), приятная прохлада тенистых садов («Дворик в Ереване»).

Расписывает в эти годы он и занавес первого государственного театра Армении.

Тогда же берётся рисовать герб молодой республики.

В 1924 году Сарьяна приглашают на Венецианское международное биеннале. Он везёт в Италию свои новые работы «Ереван», «Полдневная тишь», «Пёстрый пейзаж» и другие. Из республик СССР в выставке участвует только Армения. Советский павильон отличается от остальных: проект сделан без учёта климата Венеции. **«Все павильоны кроме нашего вентилировались»,** – сокрушался позже Сарьян. **– В нашем стояла такая баня, что посетители через несколько минут буквально выскакивали оттуда».**

Всё это, однако, не помешало критикам высоко оценить советского новатора. Критик Дж. Спровиери пишет в своей статье, опубликованной в газете «Il Monde»: *«И краски его, и рисунок заслуживают большого внимания с точки зрения исканий современного искусства. Трудно даже сказать, какая из этих двух сторон сильнее. Картины Сарьяна являются ярким выражением такого сильного и самобытного темперамента, что не могут не произвести сильнее впечатление на зрителя».* Живший в ту пору в Европе поэт Аветик Исаакян вспоминал, что русские его друзья из числа эмигрантов, посетив выставку, шутливо заметили

ему: «Ну вот увидите, приз достанется вашему соотечественнику! Посмотрите, с первых дней всё внимание посетителей сосредоточено именно на его картинах». И угадали, Сарьян действительно был удостоен первого места.

Аветик Исаакян опубликовал в газете «Айреник» (Париж, 5 августа 1924 г.) статью, в которой оценил творчество Сарьяна как явление огромной исторической важности для развития армянской культуры. Поэт писал: *«Сарьян подводит научную основу под нашу живопись или, точнее, пробуждает и развивает старое, так как элементы этого нового искусства живут в глубине веков нашей матери-родины. Когда вы смотрите на его картины, душа ваша наполняется безграничной любовью к "расстилающейся под солнцем сказке", к родной земле с её чудесными горами и реками, полями и пасущимися на склонах её гор оленями, обожаемым им армянским крестьянином и его заветным плугом... И невольно думаете вы о том, как же безгранично любит художник эту землю и её пахаря! Этим горячим чувством он заражает и вас. Когда же вы сближаетесь с ним, узнаете его мысли и чувства, вы видите, что действительно эти картины вылились из его души. Прототипы этих картин любовно взлелеяны в его душе, так горячи они и так прекрасны!»*

После такого успеха советская власть поощрила художника, присвоив Мартirosу Сергеевичу Сарьяну звание народного художника Армянской ССР. Принято также было решение строить для его семьи дом с большой мастерской и окнами на потолок (Сарьяны жили до этого на съёмных квартирах). Автор проекта – выдающийся советский архитектор, человек, определивший современный облик Еревана Александр Таманян. Решение же о строительстве принимал донской армянин, председатель Совнаркома Армянской ССР Сергей Лукашин.

Строительство затянулось на долгие восемь лет...

Одним из важных периодов жизни Сарьяна стало вступление в 1924 году в художественное объединение «Четыре искусства», что привело его к активному сотрудничеству с театрами страны. Это позволило ему войти в мир театра, вносить в театральное искусство смелые современные идеи, экспериментировать во время работ над постановками с формами, передавая уникальную атмосферу драматического произведения, обогащая его новыми красками.

Александр Ованесович Таманян (Александр Иванович Таманов, 4[16] марта 1878 – 20 февраля 1936) – русский и советский архитектор армянского происхождения, мастер ретроспективного «неоклассицизма», инженер-градостроитель; автор генерального плана Еревана, построек в Ереване, Санкт-Петербурге и Москве.

Эскиз костюма Звездочёта из сказки о Золотом петушке. 1932 г.

«Я хотел внести живопись в театр, чтобы сцена смотрелась как картина, хорошая картина, живая в цветовом отношении, и чтобы не было нагромождено, не было лишней вещей».

М. Сарьян

Среди множества постановок, над которыми работал Сарьян, следует выделить спектакли, основанные на народных сказаниях и фольклоре. Художник широко использовал свои живописные навыки для создания декораций, в которых не только отображались время и действие происходящего на сцене, но и служили своего рода визуальными метафорами, наполнявшими атмосферу спектакля глубокими символическими смыслами и значениями.

Костюмы, которые Сарьян проектировал для театральных постановок, были не только яркими, но и настолько выразительными, что позволяло артистам глубже проникать в образы изображаемых ими персонажей. Сами по себе эти костюмы представляли собой произведения искусства, создавая целый мир, в который погружался актёр, а следом и зритель.

Сарьян также создавал произведения, которые можно отнести к жанру театрализованного портрета, где он использовал элементы театра для передачи характеров и эмоций своих моделей. Это проявлялось в его работах, где были задействованы сложные композиции, игра света и тени, различные живописные фактуры.

1925 год также оказался богат на события. Впервые за все советские годы картины Сарьяна были вывезены в Москву и экспонировались на выставке «Четыре искусства». Работы художника были очень высоко оценены столичной прессой. Летом того же года картины, оставшиеся после выставки 1914 года в Мальмё (Швеция), были переправлены Ильёй Грабарём на выставку русского искусства в музей Лос-Анджелеса, где также получили отличные отзывы.

В конце 1925 года Мартиросу Сарьяну было присвоено звание Народного художника Армении.

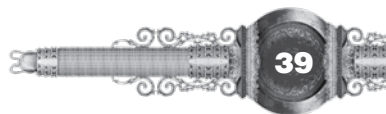
После успеха на московской выставке Сарьяну была предоставлена возможность поехать за границу. **«Я хотел непременно побывать в столице художников – Париже»**, – признавался Сарьян. В 1926 году ему, как главному армянскому художнику, выпала возможность исполнить давнюю мечту – побывать на родине импрессионизма. Париж его **«и восхищает, и отталкивает»**. Встречавший там Сарьяна известный русский критик Эфрос так писал о том, каким он его тогда увидел: «Он не просился в парижане, не хлопотал о славе. Он жил здесь для себя и учился. На мольбертах в его мастерской стояли этюды, какие делают неофиты Парижа... Он опять пробивался к лучшему в себе».

Свои этюды Сарьян рисует прямо на улице, радуясь, что **«в Париже никто не подойдёт к тебе во время работы... в других местах сейчас же собираются над головой, задают вопросы, делают замечания, громко обмениваются мнениями»**. Однако, увидев здесь сотни эмигрантов, среди которых и знакомые из Ростова, и разорённые богачи из Москвы, и белые офицеры, работающие таксистами, он напишет позже: **«Горе здесь тому, у кого нет денег!»**

Встречался Сарьян в Париже и с любимым учителем – Константином Алексеевичем Коровиным, почти всё время проводящим за набросками в арткафе и страдающим от ностальгии. В этот же период художник успевает оформить пьесу «Зулейка» Карло Гоцци для парижского театра миниатюр «Летучая мышь», руководимого Никитой Балиевым, ещё одним своим земляком-нахичеванцем.

В январе 1928 года после двух коллективных выставок французы организуют советскому художнику Мартиросу Сарьяну персональную экспозицию. Он в Париже! Город к нему явно благосклонен. В знаменитом салоне Шарля Жирара демонстрируется около сорока его новых работ. Частично это его взгляд на Париж, частично – на Армению из Парижа. Текст к каталогу написал известный французский критик Луи Воксель, тот, кто в 1905 году придумал термин «фовизм», назвав Матисса и его группу «дикими зверями» – les fauves. Фовистом (правда, недолго) считался в России и Сарьян. Теперь Воксель изрекает другую, ставшую невероятно популярной, фразу: **«Сначала Сарьян нарисовал Армению, а уже потом её создал Бог»**.

Успех был грандиозным! Но большинство картин, написанных Сарьяном во Франции, никто, кроме посетителей той легендарной выставки, так никогда и не увидит. По дороге из Парижа все работы французского периода сгорели... В порту Константинополя в трюме корабля внезапно вспыхнули опилки, на которых, как на грех, лежали ящики с полотнами Сарьяна. **«От моих сорока картин остался лишь небольшой клочок холста»**, – напишет он потом с горечью. Сохранились лишь шесть работ парижской серии. Их спасло то, что они были проданы во Франции до отъезда художника. Узнав о гибели картин, находившийся уже в Ереване Сарьян пришёл в ужас. Но не в отчаяние. Об этой трагической странице в своей биографии он напишет так: **«Я преодолел свою печаль и продолжал работать и жить с моим народом и для него»**.

Мартирос Сарьян
с женой Лусик. 1936 г.

Мартирос Сарьян
на своей персональной
выставке в Париже.
1928 г.

Эскизы к спектаклю
«Алмаст». 1938 г.

М. Сарьян и Е. Чаренц,
Ереван, 1933 г.

Егише Чаренц (настоящее
имя – Егише Абгрович
Согомонян; 25.03.1897 –
27.11.1937) – армянский
поэт, прозаик и переводчик.

В 1930 году Сарьян возобновил сотрудничество с театрами страны. В Одесском театре оперы и балета состоялась премьера оформленной М. Сарьяном оперы Александра Спендиарова «Алмаст». А в 1932 году в московском театре имени Станиславского состоялась постановка оперы Н. А. Римского-Корсакова «Золотой петушок». После «Золотого петушка» за Сарьяном прочно утверждается мнение как об одном из лучших театральных художников страны. В 1935 году для постановки оперы «Кармен» К. С. Станиславский вновь обратился к Сарьяну.

В последующие годы Сарьян в полной мере отдаётся национальному театральному искусству. На ереванской сцене ставятся в его оформлении хрестоматийные армянские музыкальные и драматические спектакли – «Алмаст», «Храбрый Назар», «Давид-Бек» и другие. Он также рисует эскизы одежды сцены (занавес) для Ереванского театра оперы и балета и Драматического театра.

В 1932 году в Ереване наконец закончилось строительство дома Сарьяна, совмещённого с мастерской художника.

1937 год... К сожалению, после того пожара десятилетней давности на корабле холсты Сарьяна горели ещё один раз. Но уже не случайно. Специально. Чудовищная участь постигнет двенадцать его полотен в роковом 1937-м. Работниками НКВД Армении были сняты со стен музея и сожжены написанные Сарьяном одиннадцать портретов армянских государственных деятелей и представителей интеллигенции, подвергшихся репрессии как «враги народа». Многие из них были его друзьями...

Лишь одна картина, двенадцатая, всё же сохранилась. Страшно рискуя, музейные работники двадцать лет прятали за шкафом «вражеский» портрет – упрямое лицо поэта Егише Чаренца, обвинённого в контрреволюции и троцкизме. Сам Чаренц – поэт, переводчик Маяковского, М. Горького, Пушкина – умер в том же 1937 году в тюремной больнице. (В 1950-х годах был реабилитирован, и в его честь даже переименовали город Лусаван, ставший Чаренцаваном. – **Ред.**).

Что касается Сарьяна, то он избежал в тот год ареста, можно сказать, случайно. Есть мнение, что его имя также значилось в чёрном списке НКВД, но за художника заступился первый секретарь армянского ЦК КП(б) Григорий Арутинов. А ещё потому, что он в то время работал над картиной, которую должны были показать на Всемирной выставке в Па-

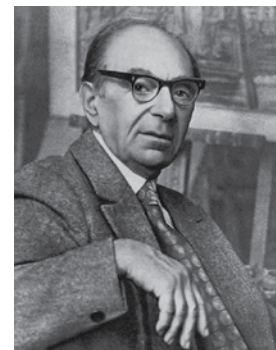
риже. В 1937 году четырёхметровое панно Сарьяна «Расцвет народного творчества» получило во Франции Гран-при (в настоящее время это масштабное полотно находится в фондах Государственной Третьяковской галереи и требует серьёзных реставрационных работ. — **Ред.**).

Из воспоминаний художника Александра Лабаса: «Случилось так, что мне с Мартиросом Сергеевичем в одно время — 1936–1937 годы — приходилось встречаться часто, даже каждый день, с утра до вечера. Для Советского павильона на Всемирной выставке в Париже выполнялись три панно одинакового размера (длина каждого была 16 метров, высота 4–5 метров). Одно из них писал Сарьян, второе Вильямс, и третье — я. Нам дали помещение в Московском государственном университете на трёх галереях. Эскизы были уже утверждены, и мы приступили к грунтовке огромных холстов. Панно Сарьяна было посвящено народному творчеству, Вильямса — народным танцам, моё — авиации. В первые дни было очень трудно работать. Громадный холст на близком расстоянии охватить глазом нельзя, а отойти по прямой тоже нельзя, так как все три площадки были очень узкие, и каждому, чтобы посмотреть, приходилось проходить через соседнюю площадку и выходить на противоположную сторону, что сильно затрудняло работу. Мне сразу очень понравился Мартирос Сергеевич. У него приятный мягкий душевный голос, располагающая улыбка. Он очень доброжелательно относился к Вильямсу и ко мне. Дружески тепло давал советы, к которым мы относились с исключительным вниманием. Он писал быстро и решительно; поглядывая на свой эскиз, он позволял себе свободно развивать его, чувствуя всё в другом масштабе. Я восхищался его панно, и мне интересно было, как он поведёт всю композицию дальше, потому что он брал местами так сильно, что казалось, отрезал себе дорогу к дальнейшей работе. Но нет, какой-то неожиданный ход — и опять у него стояло всё на месте, можно идти вперёд. И вот его великолепная работа приближается к концу. И тут его постигает, можно сказать, непредвиденная катастрофа. При ответственном просмотре изменилась тема, и это ударом грома обрушилось на холст Сарьяна.

С решением его композиции положение было ужасающим. Надо было выходить из положения. Но как? Сроки сдачи приближались. А изменение основ в данной теме вело фактически к полной перестройке всего панно. Мы очень переживали за Сарьяна, так как это действительно ставило его в

Диплом Гран-при, полученный М. Сарьяном во Франции в 1937 г.

Александр Аркадьевич Лабас (19 февраля (3 марта) 1900 — 30 августа 1983) — советский живописец, последователь экспрессионизма, весомая фигура среди московских художников времён НЭП и начала сталинской эпохи — деятелей так называемой «плеяды 1920-х — 1930-х годов», педагог, автор мемуаров. Участник группы «Метод», один из членов-учредителей «Общества станковистов» (1925–1932).

Мариэтта Сергеевна Шагинян (21 марта (2 апреля) 1888 – 20 марта 1982) – советская писательница, поэтесса и прозаик, искусствовед, журналистка, историограф.

М. Сарьян «Портрет М. С. Шагинян». 1944 г.

«...и на громкий успех, и на самые бесшабашные наскоки... Сарьян откликался одинаково: становился к мольберту и писал новые вещи».

А. Каменский,
искусствовед

безвыходное положение. Он очень был огорчен и некоторое время не приходил. Прислал эскиз, новый вариант. Когда я его увидел, был поражён находчивостью, изобретательностью и, главное, конечно, талантом найти, безусловно, самый лучший выход. Мы говорили, что так может только большой художник. Придя через несколько дней, Сарьян набросился на гигантский холст и сильными ударами, размахивая большими кистями, победил его».

Удивительно, но, вопреки правилам того времени, на панно не было фигуры Сталина. Сарьяну удалось убедить своих кураторов, что пишет он только с натуры. А представить ему «вождя народов» им, по понятным причинам, не представлялось возможным.

Советские власти в те годы одной рукой хвалили и поощряли Мастера, другой критиковали нещадно. Мариэтта Шагинян в период, когда художника особенно усердно «изобличали», обвиняя в таком «пороке», как идеалистическое мышление, называли «антинародным формалистом», угрожали «задушить рублём», объясняя недоброжелателям уникальность живописи Мартироса Сарьяна, в очерке «Трудная лёгкость. Страничка из дневника», опубликованном в журнале «Искусство» (1937), пишет: «... Когда художники его школы и выучки, московские мастера, презирали АХР (Ассоциация художников революции), как организацию вульгарных натуралистов, Сарьян мне говорил со своей мягкой, но уверенной улыбкой...: “Надо идти в АХР, ведь они правы, они хотят изучить новую жизнь, а нельзя достичь реализма без настоящего, точного, глубокого знания жизни”. ... Здесь мы подходим и к тому, что можно назвать личной загадкой Сарьяна и что так интересует его профессиональных критиков: оставился ли он в своём развитии, пошёл ли вспять, умер ли тот Сарьян, чьи драгоценные полотна могут украсить сокровищницу любой европейской пинаотеки, – Сарьян 1910–1913 годов?..»

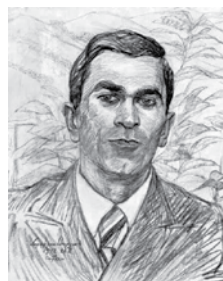
После трагической гибели друзей и картин Сарьян снова, как тогда в 1915 году после увиденного в Эчмиадзине всеармянского сиротского горя, замолчал на несколько месяцев. Он не хотел, не мог брать в руки кисть, вставать за мольберт...

В 1939 году во время Декады армянского искусства в Москве большим успехом пользовались декорации, выполненные Мартиросом Сарьяном к опере «Алмаст», которую Ереванский театр оперы и балета показал на сцене Большого театра. Через два года, в марте 1941 года, художник был удостоен Государственной премии за эту работу.

В 1938 году Сарьян оформляет для Ростовского театра драмы имени М. Горького спектакль «Тигран», поставленный Юрием Завадским по пьесе нахичеванского драматурга Фёдора Готьяна. В роли Тиграна выступил народный артист СССР Николай Мордвинов. 10 марта 1938 года состоялась премьера спектакля, на которой присутствовал и Мартiros Сергеевич.

Однако неугомонные критики от искусствоведения продолжали зарабатывать себе на хлеб насущный бесконечной травлей Мастера, упрекая его в не вполне отчётливом художественном высказывании в пользу советской власти, в том, что он пишет в стиле далёком от того, что они называют социалистическим реализмом. Был лишь один период, когда критики будто забыли о Сарьяне. Во время Великой Отечественной войны им было не до отслеживания того, насколько идеологически верен (не верен) в своём творчестве этот всемирно признанный художник.

Посещая военные госпитали, делая зарисовки раненых бойцов, медсестёр, врачей, Сарьян в те годы пишет в основном портреты. К произведениям военного периода относятся его «Автопортрет. Три возраста» (1943), портреты защитников Родины – Героев Советского Союза С. Е. Маргулиса (1942), Н. Г. Степаняна (1943), И. С. Исакова (1943) и других.

«Долго художник не давал себя уговорить. Но потом увлёкся и создал полотна такой красоты и силы, такого волшебства, что я – Тигран, с песней вбегая по узкой тропинке на холм, я, как сопоставщик спектакля, зная замыслы, эскизы, декорации, работая над их освещением, репетируя пьесу, – раскрыл руки... и замер от восторга! Я забыл, что мне надо играть, что то, что меня изумило, должно быть для меня, Тиграна, и родным, и знакомым, привычным... Натурализм и Сарьян не совместимы. В театре не было ни иллюзорности, ни фотографической достоверности. Это было искусство большого мастера, своеобразно транспонирующего родную природу в художественный образ пленительной силы. Нам бесконечно дороги встречи с М. С. Сарьяном. Они помогли нам создать спектакль, а тысячам и тысячам зрителей, посетившим спектакль, полюбить современника ещё раз, полюбить природу Армении и её великого сына Сарьяна».

Из воспоминаний
народного артиста СССР
Н. Д. Мордвинова

Мартiros Сарьян с сыном Лазарем. 1944 г.

В апреле 1946 года в Москву вместе с другими ленинградскими писателями приехала Анна Ахматова. На сохранившихся фотографиях, сделанных во время концертов, Анна Андреевна в том же скромном платье и бусах, что на портрете Сарьяна. «Выступала в Москве восемь раз. Позировала Сарьяну, шесть сеансов», — напишет позже современники.

В 1945 году, в день, когда закончилась война, когда младший сын Лазарь вернулся домой живым и невредимым, сердце художника наполнилось такой радостью, что ему захотелось подарить воинам-освободителям все цветы мира. Несколько дней в дом приходили родные, друзья, знакомые, чтобы поздравить семью Сарьянов с возвращением Лазаря с фронта. Дом наполнился букетами цветов. Мартiros Сергеевич заставил банками с букетами и цветочными горшками весь стол в мастерской, рядом уложил фрукты. Так родился натюрморт «Армянам – бойцам Великой Отечественной войны» – полотно эпического масштаба, своеобразный гимн жизни, победившей смерть.

Люди, близко знавшие Сарьяна, отмечают, что он никогда вслух не высказывал никаких бунтарских мыслей. Но он никогда и не оглядывался на власть предрежающих, не шёл на поводу у провозглашённых ими программных линий. Он всю жизнь делал то, что считал нужным, всегда непоколебимо и твёрдо стоял на стороне добра и справедливости. Как художник! И как человек!

В 1946 году Сарьян взялся писать портрет опальной Анны Ахматовой. Причём сделал он это сразу после громкого исключения её из Союза писателей. Тогда, при обстоятельствах тех лет, когда от поэтессы отшатнулись, испугавшись возможных репрессий, даже близкие друзья, это был поступок, равносильный подвигу.

И так Сарьян поступал всякий раз, когда надо было поддержать тех, кто несправедливо обижен, кому плохо в жизни в данный момент. Он хорошо помнил, что происходило в 1937 году, как один за другим подверглись репрессиям многие из его московских и ереванских друзей, люди чести и совести, цвет нации. Слишком хорошо.

В 1948-м на Сарьяна вновь обрушилась лавина упреков. В газетах писали о его формализме, упрекали в излишней красочности и идеалистическом мировоззрении. И много ещё в чём подобном. А по сути в том, что он был слишком «индивидуалист», слишком «интеллигент». В то время это были самые страшные упреки, за которые вполне могли и посадить. А он, вопреки всем, точно не понимая сути упреков, утверждал: **«Краски в картине должны быть как солисты в ансамбле. Что за удовольствие видеть вместо отдельных лиц безликую толпу?»**

Замученный травлей, в порыве разочарований и глубокой депрессии он режет одну из лучших своих картин – «Египетские маски». От

полной гибели её спас один из учеников, зашедший случайно в мастерскую. Придя в ужас от увиденного, он начал кричать, что Сарьян не имеет права так поступать, что картина уже не его личная, она национальное достояние. Схватив лист картона, ученик склеил на нём разорванные куски холста; в таком состоянии работа экспонировалась в самых известных музеях, а реставрирована была уже позже. После смерти мастера.

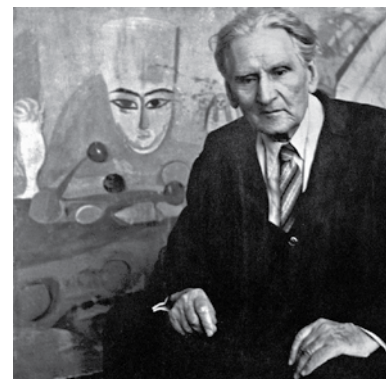
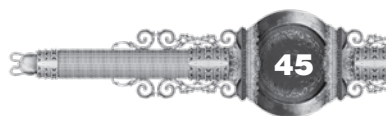
В конце 1950-х годов на одной из выставок народного искусства, проводимой в Третьяковской галерее, Илья Эренбург познакомил Мартироса Сарьяна с патриархом хохломской росписи, народным мастером Фёдором Андреевичем Бединым. Они стали переписываться, обмениваться сувенирами, встречаясь на выставках в Москве, и... не могли наговориться друг с другом. Сарьян восхищался великим искусством русского народного умельца, а тот, в свою очередь, не устал поражаться солнечным краскам армянского художника. При встречах и в письмах Сарьян стал называть его Пайлуном Федо (Блистательный Фёдор – в переводе с армянского. – **Ред.**), повторяя, что они как два брата, два солнцепоклонника!

Как-то на даче художника Петра Кончаловского, празднуя его юбилей, собрались за одним столом Илья Эренбург, Павел Корин, Александр Герасимов, Дмитрий Налбандян. Во время десерта в комнату внесли большую чашу, расписанную в хохломской манере, на которой лежала гора ярких сочных яблок. Гости их живо разобрали. Сарьян же, взяв в руки саму чашу, сказал:

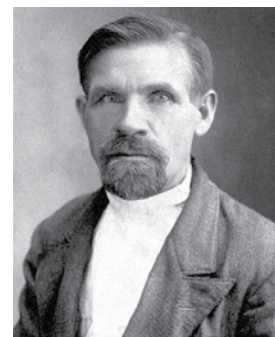
– Знаете, в истории армян было много упущенных шансов. И вот один из них: хохлому первыми должны были придумать армяне! Ведь вся страна у нас как золотое яблоко на ладонях гор!..

Сарьян рассуждал о том, что хотя Армения на пять веков раньше Руси приняла христианство и ближе стояла к Византии, хотя армяне издревле знали секреты иконописи и красок, уже в X веке владели приемами росписи книжной миниатюры, но прозевали то чистое солнечное сияние, что исходит от хохломской росписи. А ведь его можно встретить лишь в горах Армении!

«Выходит, не судьба, Сергеич, – прищурился, «утешал» его Пайлун Федо. – Сам подумай: зачем армянам создавать себе искусственное сияние? Вы и так купаетесь в сиянии настоящего солнца!.. Это у нас на севере мало тепла, вот мы и выдумали своё солнце, чтобы в холодные зимние вечера душу согревать!..»

Сарьян и его картина
«Египетские маски»

Фёдор Андреевич Бедин,
(1889–1972) – мастер
хохломской росписи.
Участник Первой мировой
войны. Один из основа-
телей Новопокровской
артели (1931, в 1960
вошла в состав фабрики
«Хохломская роспись»)
в Горьковской области.

Человек — самое удивительное создание природы. Сам человек — это природа. И только через человека природа познает самое себя. И в этом — величайшее счастье человека. Гигантская, бесконечная природа — и небольшое существо, несущее в себе это беспредельное величие. Природа создала человека, щедро наделив его всем, всем... Дала человеку мать. Дала ему разум. А ведь тебя могло и не быть. могло случиться, что ты не существовал бы. Но вот природа сотворила чудо — из «ничего» появился человек. И стал он сознавать свое «Я», природу, родину, видеть солнце, ощущать жизнь. А разве ощущение жизни не есть уже чувство счастья?

Мартирос Сарьян

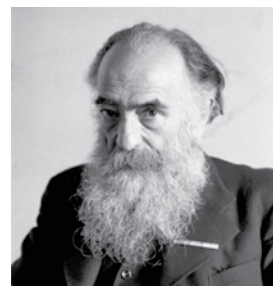

Конечно, Сарьян жаловался не всерьёз. Просто он, зная скромность своего северного друга, хотел ещё и ещё раз услышать самые веские доводы и самые верные слова, которые мог бы привести русский человек в защиту своего народа, чей художественный гений смог сотворить такое чудо...

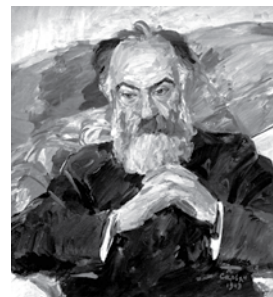
В 1950–1960-е годы Сарьян писал особенно много портретов. Писал многих – астрофизика Виктора Амбарцумяна, поэтессу Сильву Капутикян, писателя Илью Эренбурга, композитора Дмитрия Шостаковича, балерину Галину Уланову... Он рисовал и других своих современников, не столь, может, великих, но непременно людей мыслящих, глубоко, как и он, переживающих драматизм своего времени. Сарьян общался и переписывался с востоковедом Иосифом Орбели, портрет которого написал в 1943 году и урартоведом Борисом Пиотровским (в разные годы Орбели и Пиотровский были директорами Эрмитажа. – *Ред.*), известным архитектором Александром Таманяном и Ашхарбеком Калантаром, ассистентом знаменитого археолога Николая Марра, обнаружившим древнейшую ирригационную систему в Армении.

Все портреты Сарьяна – это всегда своего рода беседы художника с его героем. Сарьян никогда не заставлял портретируемого позировать в искусственной, утомительной позе. Он вёл диалог с ним о волнующих их темах, говорили о заболевшем, и человек невольно усаживался так как ему удобно, принимал обычные для него выражения лица. Это-то и схватывал Мастер, быстро, часто всего в два сеанса, заканчивая работу. Об особенностях написания портретов Сарьян говорил так: **«Человека, как правило, ярче всего характеризует движение его мысли, развитие чувства... Для выявления характера, черт лица и черт души я показываю обычное, повседневное, но данное в обобщении, укрупнённо и броско»**. Огромная галерея образов выдающихся деятелей армянской и русской культуры и науки кисти Сарьяна представляется сегодня своеобразной Портретной галереей, состоящей из самых ярких личностей XX века, тех, кто обозначил собой вехи развития культуры и науки целой эпохи. Причём не только нашей страны... Портреты Сарьяна – это выраженный не словами, а красками рассказ художника о времени и о себе.

Кстати, портретов на злобу дня, из соображений конъюнктурных, Сарьян никогда не писал. Не такого масштаба и внутренней честности он был человеком! Это понимали все, и уважали Сарьяна все за это тоже.

Иосиф Абгарович Орбели (8 [20] марта 1887 – 2 февраля 1961) – русский и советский востоковед, специалист по археологии и культуре Кавказа, общественный деятель. Действительный член Академии наук СССР (1935), один из членов-учредителей (1943) и первый президент (1943–1947) Академии наук Армянской ССР, директор Эрмитажа (1934–1951).

М. Сарьян «Портрет академика И. А. Орбели». 1943 г.

Хорен I (в миру Александр Ованесович Мурадбегян, 8 декабря 1873 – 6 апреля 1938) – Патриарх-Католикос всех армян, первоиерарх Армянской апостольской церкви (1932–1938).

Геворг VI (в миру Геворг Чорекчян, 2 декабря 1868 – 26 сентября 1954) – Патриарх-Католикос всех армян, первоиерарх Армянской апостольской церкви (1945–1954).

В 1954 году ушёл в мир иной Католикос всех армян Геворг VI (донской армянин, нахичеванец по месту рождения. – **Ред.**)

30 сентября 1955 года армянский мир замер в ожидании. Иерархи Армянской Апостольской церкви съехались в Армению со всех концов света, чтобы принять участие в выборах нового Католикоса всех армян. Однако мало кто знает, что накануне выборов прошла встреча архиепископов с одним из самых уважаемых среди мирян армянином – Мартиросом Сарьяном. Вот что пишет об этом внучка художника Катирино Сарьян в своей книге «Экспозиция. Воспоминания-картины» в очерке «Благословение на престол»: *«Когда у нас дома, за обеденным столом, собралось высокое духовенство армянских церквей со всего мира, старинные часы пробили отсчёт нового времени. Времени, в котором не будет места таким злодеяниям, как умерщвление главы армянской церкви в первопрестольном храме (ходят упорные слухи, что Католикос всех армян Хорен I, ведший независимую от советской политику, смело отстаивающий права церкви, был задушен в своей резиденции в апреле 1938 года. – **Ред.**). Времени, в котором не сможет даже возникнуть мысль, что храм можно взорвать. Дедушка сидел во главе стола на своем обычном месте, а мы пытались хоть в дверную щёлку приобщиться к невероятному событию.*

Здесь царила атмосфера очень высокого действа, и все было сконцентрировано вокруг него. К фруктам на столе даже не притронулись. Небольшое по времени (не более десяти минут) выступление каждого из собравшихся должно было стать решающим при отборе кандидата на святой престол. Происходящее фактически предвляло выборы нового патриарха, которые и состоялись чуть позже по всем канонам Армянской Апостольской Церкви. Здесь же, по окончании всех произнесенных речей, право первого высказывания было дано хозяину дома. Собственно, для этого они и пришли к Сарьяну. И дедушка сказал своё слово...

Когда всё закончилось и величественные фигуры в чёрном шли через сад, мне показалось, что они не просто идут, а чуть парят. Возможно, этот эффект возникал благодаря длинным одеяниям, полностью скрывающим ступни ног. А ещё потому, что шли они молча.

Обычно, когда от нас выходили гости, даже самые почётные, это сопровождалось немалым шумом, над которым доминировал смех дяди Сарика. А сейчас, даже когда все вышли, разговаривали шёпотом, тихо-тихо – как в храме. И в этом шёпоте явственно звучало имя Вазген

(30 сентября 1955 года на Национально-церковном Соборе тайным голосованием Католикосом всех армян был избран Вазген I. – **Ред.**).

Сообразив, что упустила самое главное, я бросилась обратно через сад к зелёным воротам с одной мыслью: выяснить, который из них Вазген. Пройдя наш маленький тупичок, шествие повернуло направо к церкви. Раздался торжественный перезвон колоколов. Десятки голубей взмыли над куполом. Мне представилось, что я увижу сейчас нечто торжественно-прекрасное, вроде коронации. Но в церкви ничего особенного не происходило. Здесь стояли и молча молились. И никаких примет, кто же будущий Католикос всех армян».

В конце 1950-х, с приходом к власти Н. С. Хрущёва, ситуация в сфере искусства несколько изменилась. В «оттепель» дышать всем стало чуть легче. Свободнее вздохнул и Сарьян. В этот период новое развитие в его творчестве получил жанр пейзажа. Художник будто не замечает, что стал легендой русского, армянского, наконец, советского изобразительного искусства. Он постепенно признаётся всеми как живой классик.

Вазген I (в миру Левон Абрамович Палчян; 20 сентября 1908 – 18 августа 1994) – Верховный Патриарх-Католикос всех армян, первоиерарх Армянской апостольской церкви (1955–1994).

«С детства впитывал в себя будущий художник атмосферу, создаваемую Армянской апостольской церковью. В отрочестве Сарьян несколько лет пел в церковном хоре, а его школьным учителем был будущий Католикос всех армян Геворг VI. До конца своих дней художник помнил песнопения, созданные крупнейшими авторами средневековья, и христианское мировосприятие и нравственная чистота всегда оставались для него определяющими».

Из воспоминаний внучки
М. С. Сарьяна
Рузан Сарьян

Фото с выставки
М. С. Сарьяна, проводи-
мой в Академии худо-
жеств (Ленинград). 1956 г.

Фрагмент экспозиции,
проводимой в Ленинграде
выставки. 1956 г.

В июне 1956 года в Ленинграде в залах музея Академии художеств прошла персональная выставки Мартироса Сарьяна, приуроченная к его 75-летию. Художник приехал на открытие выставки вместе с женой Лусик Лазарев-ной и девятилетней внучкой Катаринэ, которая позже в своих воспоминаниях напишет: «...В первый день администрации пришлось вмешаться, потому что публика не хотела расходиться. Дедушке сказали, что если он пойдёт к вы-ходу, то помещение легче будет освободить. Мы начали потихоньку продви-гаться к дверям, как вдруг возникла группа молодёжи с громкими криками: “Виват, Сарьяну!” Это были студенты академии, которые дожидались нашего ухода, чтобы осуществить задуманное – торжественно вынести Сарьяна на руках. Он был чрезвычайно тронут, но подчиниться категорически отказался. “И правильно сделал, – сказала бабушка, – посмотри, какие крутые мрамор-ные ступени. А если бы тебя уронили?”».

Состоялось в том же 1956 году открытие выставки работ Сарьяна в Эрмитаже. Академик Иосиф Абгарович Орбели разрезал ленточку, а потом обнял Сарьяна, не скрывая при этом слёз радости, катившихся по его ще-кам. Сквозь шквал аплодисментов и восторженные возгласы стоящих по-близости можно было расслышать его слова: «*Мы победили, Мартирос!*»

В 1958 году на Всемирной выставке в Брюсселе Сарьян был на-граждён Золотой медалью.

С конца 1950-х годов Мартирос Сарьян снова начинает ездить по Ар-мении. Побывав в Двине, в Лори, на Севане, в Бюракане. В его картинах вновь предстают в сиянии солнечных красок любимый Арарат, характерные горные хребты Армении. 80-летний к тому времени художник не потерял способность видеть и удивляться, восторгаться и радоваться каждому дню, каждому неповторимому мгновению жизни. К нему точно возвратилась мо-лодость! Некоторые работы того периода были объединены в цикл «Моя Родина», за который в 1961 году Сарьян получил Ленинскую премию.

В 1960-е годы в ГДР, Венгрии, Румынии, Чехословакии проходят персональные выставки Мартироса Сарьяна.

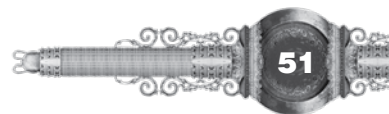
В 1965 году на студии «Арменфильм» вышел документальный фильм «Мартирос Сарьян». Вместе с режиссёром Лаэртом Вагаршя-ном над фильмом работали оператор Марат Варжапетян, писатель Илья Эренбург, назвавший Сарьяна «одним из крупнейших, если не крупней-шим советским художником», и младший сын художника – композитор Лазарь Сарьян.

В 1966 году увидело свет первое издание его книги воспоминаний «Из моей жизни», впоследствии несколько раз переизданной, переведённой на четыре языка. В основу книги легли письма, дневники и путевые заметки, которые художник вёл с 1910 года. Выяснилось, что Сарьян не только виртуозно владеет кистью художника, но и замечательный литератор, мастер пера.

В 1967 году завершилось строительство и был открыт Дом-музей Мартироса Сарьяна, органично вписавшийся в прежний особняк художника, где он с семьёй жил и работал с 1932 года.

Сегодня в Доме-музее М. Сарьяна находятся не только работы Мастера, но и материалы, касающиеся его жизни и творчества. Своеобразие коллекции заключается в том, что здесь собраны все те работы и эскизы, которые в последние годы жизни Сарьяна находились в его доме и мастерской. А значит, последние, до которых дотрагивалась рука Варпета. Постоянная экспозиция музея состоит из более чем трёхсот произведений художника. Она размещена на трёх этажах в хронологическом порядке и представляет все жанры и периоды творчества Мартироса Сарьяна, начиная с рисунков, выполненных им в шестнадцать лет, и кончая работами последних месяцев жизни.

Но ценность музея состоит ещё и в том, что, войдя в него, можно окунуться в атмосферу дома, в которой жил и творил Варпет, почувствовать себя его гостем.

Обложки книги воспоминаний М. С. Сарьяна «Из моей жизни»

Адрес: Армения,
Ереван, 375002,
ул. М. Сарьяна, дом 3

Тел: (+374 10) 58 05 68
www.sarian.am
E-mail: sarianmuseum@gmail.com

Облицованный розовым туфом трехэтажный Музей был пристроен к дому Сарьяна по проекту Марка Григоряна. Первым директором, взявшим на себя ответственность за строительство и организацию экспозиции, был сын художника Лазарь Сарьян.

Мозаика на верхней части фасада здания, выходящего на улицу, была собрана известным художником Гариком Смбатяном по эскизу самого Мартироса Сергеевича.

С 1967 по 2003 годы музей возглавлял искусствовед Шаэн Хачатрян.

В 2003–2004 годах Домом-музеем руководила Люся Мирзоян, прежде заведовавшая фондами музея.

С 2004 по 2023 годы директором Дома-музея была внучка художника, кандидат филологических наук Рузан Сарьян.

Главный хранитель Дома-Музея – внучка художника Софья Сарьян.

С 2023 года музеем руководит правнучка художника, Белла Исаакян.

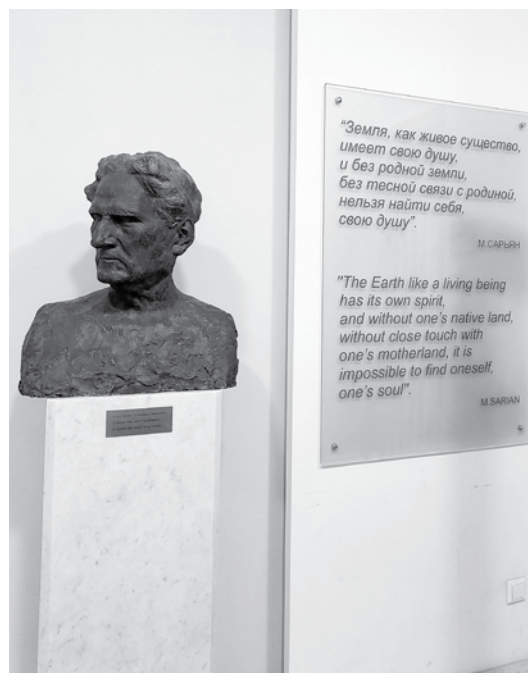
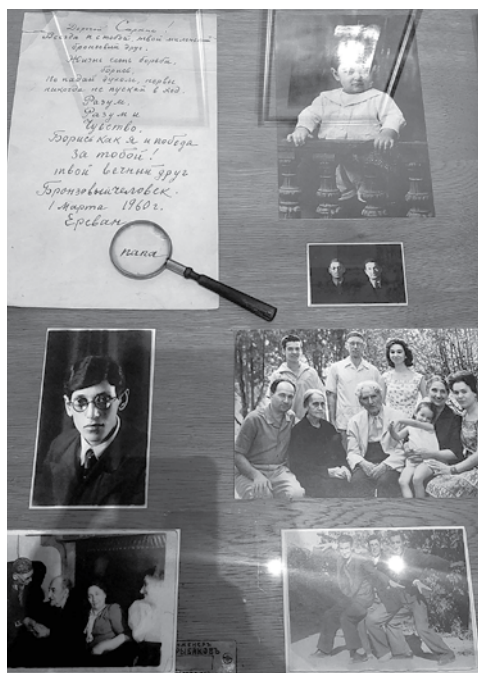

«Мастерская художника. Если бы не оградительная лента, можно было бы подумать, что художник только что вышел. На низком стуле сохнут в керамических вазах кисти, лежит палитра, а на мольберте ждёт Мастера неоконченная работа. Это светлое просторное помещение – святая святых. Кажется, что здесь сам воздух пропитан духом творчества. Здесь дышится и чувствуется как-то по особому».

«Три этажа (более трёхсот произведений) ярких, солнечных картин – это настоящая усадьба для глаз. Для меня живопись Сарьяна – лучший антидепрессант. В его картинах есть и радость жизни, и гармония человека и природы, и красота».

Из отзывов
о Доме-музее
М. Сарьяна

«Приехать в Армению и не посетить музей Сарьяна, значит – обделить себя космическим светом. Благодаря маэстро Сарьяна за то, что вновь пробудил желание жить».

Тонино Гуэрра,
итальянский писатель
и кинодраматург.

«Варпет был христианином в самом высоком понимании этого слова. Возможно, он был единственным человеком из тех, кого я знала, кто не нарушал ни одной из десяти заповедей Священного Писания. В детстве с младшей сестрой он пел в церковном хоре. Ему удалось спасти от разрушения два храма – Сурб Зоравор в Ереване и Сурб Хач в Ростове-на-Дону. Он продолжал писать церкви с крестами на куполах и тогда, когда по всей Стране Советов церкви разрушались и взрывались. Сарьян вместе с Аветиком Исаакяном был членом церковного совета Эчмиадзинского Святого престола. Да, дед верил в бессмертие души, а это значит, что в жизнь после смерти он тоже верил. И его последняя живописная работа «Сказка», которая хранится в его мастерской на мольберте, лучшее тому доказательство».

Из воспоминаний
Рузан Сарьян

В 1967 году в Ростове, в связи с планированием застройки Северного жилого массива, горисполком принял решение о сносе церкви монастыря Сурб Хач (Святой Крест) – старейшего каменного здания (XVIII в.) города. Понимая, что судьба церкви, и без того находящейся в плачевном состоянии, висит буквально на волоске, ростовчане обратились за помощью к своему земляку Мартиросу Сарьяну. Они надеялись, что слово почётного члена Всероссийского общества охраны памятников, председателя Общества, народного художника СССР, лауреата Ленинской премии, Героя Социалистического Труда будет услышано властями города. И оно было услышано!

Исполкомом Ростовского городского совета депутатов трудящихся было принято решение о сохранении здания, о включении всего комплекса сооружений – церкви Сурб Хач, могил и памятных бюстов Микаэла Налбандяна, Рафаэла Патканяна, Арутюна Аламдаряна, лестницы, ведущей к храму, в список памятников истории местного значения. Было также принято решение об организации в Сурб Хаче филиала Ростовского областного музея краеведения.

Осенью 1967 года группа ростовчан была командирована в Ереван, чтобы выяснить «в Министерстве культуры, Институте истории, Союзе художников, какую они могут оказать помощь в создании музея». Эту непростую задачу им помогли выполнить два бывших нахичеванца – Мартирос Сарьян и директор Армпромпроекта, главный архитектор Еревана Марк Григорян. Встреча с ними произвела на ростовчан неизгладимое впечатление. Сотрудник музея Н. Г. Фрадкина с благодарностью вспоминала в ростовских газетных публикациях, как Мартирос Сергеевич в свои 88 лет по-молодому горячо, рьяно принимает участие в битве за спасение Сурб Хача – отзываясь на каждую просьбу земляков.

Очень скоро весть о реконструкции старинного монастырского комплекса, проводимой в творческом и финансовом содружестве ростовчан и ереванцев, разошлась по всей стране. Многие захотели тогда принять участие в этом благом деле. Из Ленинградских научно-реставрационных мастерских были привезены три хрустальные люстры, изготовленные специально для мемориала. Из Ленинграда же приехали электромонтажники. Была восстановлена входная парадная лестница, над которой добросовестно потрудились ростовские умельцы. Католикос всех армян Вазген I выделил из своей патриаршей казны сумму, необходимую для покрытия золотом купола храма.

«Среди историко-архитектурных памятников города Ростова-на-Дону церковь монастыря Сурб Хач (Святой Крест) занимает особое место. Это самое древнее каменное здание города Ростова. Оно также является своеобразным символом многовековой русско-армянской дружбы»

Из статьи ростовского историка и краеведа
Б. В. Чеботарева,
1977 г.

Легендарный советский космонавт Алексей Леонов, приехав в 1969 году в Армению, побывал в мастерской Сарьяна. Одна из картин привлекла его особое внимание. Он спросил: «Мартирос Сергеевич, такой Земля видится только из иллюминатора космического корабля! Как вы смогли так её увидеть?!». Сарьян ответил: «Я там побывал раньше вас», давая понять, что творческое воображение способно привести человека в те сферы, в которые наука и технологии будут проникать ещё долго и сложно.

Три великих армянина — писатель Уильям Сароян, художник Мартирос Сарьян и астрофизик Виктор Амбарцумян. 1969 г.

В конце 1960-х годов в творчестве Сарьяна всё отчётливее просматривается новое, космическое видение мира. Это был своеобразный отклик художника на полёты человека в космос. Варпет всё больше уходит от национального и возвращается к тому, с чего начал в юности свой путь познания, — к ощущению беспредельности Вселенной, божественному космизму.

В 1969 году в Ереван приезжает классик американской литературы, лауреат премии «Оскар» (1944) и Пулитцеровской премии (1946), потомок спасшихся в годы геноцида армян Уильям Сароян. И, конечно, первым делом поспешил в дом Варпета на правах младшего друга. В разные годы Сароян написал два коротких очерка о Сарьяне, человеке, как он говорил, «с похожей фамилией». Очерк «Выжил» сочинил, вспоминая, как в 1935 году, впервые приехав в Ереван, познакомившись с Сарьяном, увидел впервые его иллюстрации для книги армянских сказок и был очарован ими. Прочесть книгу не мог, но, наслаждаясь «безмолвным армянским шрифтом», навсегда запомнил «солнечные, осязаемые, красно-жёлто-коричневые пейзажи», которые «говорили о том же, что и он в своих книгах, только ещё красноречивее». Они встретились впервые в 1962 году, когда Сарояну было 52 года, Сарьяну — 80. Художник тогда же взялся написать портрет писателя. Позже Сароян признается, что его особенно поразило то, как этот угловатый седой старик, погружаясь в работу, по восемь часов подряд стоит за мольбертом.

«Он писал мой портрет, я старался следить, чтобы моё лицо не застыло, не расслабилось, не облеклось в молчаливую маску от сознания неистребимой гордости за наш народ, выживший в тяжёлых испытаниях».

У. Сароян

ВЫЖИЛ

Рассказ

Да, Мартирос Сарьян армянин, а это значит, что он выжил. Поэтому вслед за его именем идет имя Марка Шагала...

Их роднит ещё и невероятный талант – превращать всё мертвое в живое. Вы не увидите погромов на картинах Шагала и не увидите резни на картинах Сарьяна. Они – маленькие дети с широко раскрытыми глазами, они радуются жизни умом и сердцем.

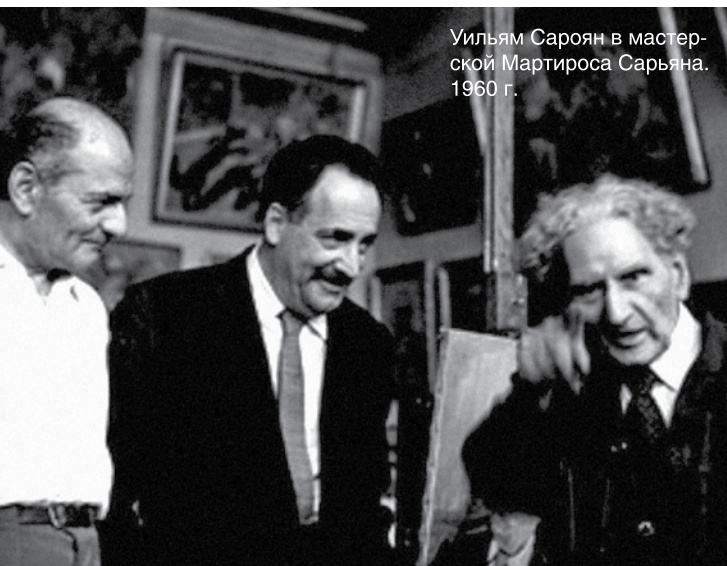
В последние годы у Мартироса Сарьяна сложилась своя манера рисования, которая подходила для него в той мере, в какой с возрастом позволяло здоровье. Маленькими штрихами он рисовал прекрасные, причудливой формы пейзажи...

Когда я приехал в Ереван в мае 1935 года, Мартиросу Сарьяну было 55 лет, а я, с похожей фамилией – Сароян, был на 28 лет моложе, но ровным счётом ничего не знал о нём, как, впрочем, и о других, поэтому я и приехал в Армению на деньги, заработанные сочинительством.

Мне хотелось увидеть эту страну – родину отца, родину предков, подышать воздухом, которым мы дышали столетиями.

Как и все народы в мире, армяне преданы своей родине, земле, воздуху, которым дышат, и всему, что французы называют *patrie* – отчизна.

Как хорошо мне было ходить по улицам города, я попал в мир, где меня окружало всё армянское. Мне казалось, что в лице каждого прохожего таится какая-то загадка, головоломка, парадокс – любой человек с такой внешностью мог бы вполне и не быть армянином, и все же в каждом из этих лиц было что-то особенное, оно как бы говорило: «Смотри, вот ещё один армянин, и он живёт в этом скалистом уголке земного шара».

Уильям Сароян в мастерской Мартироса Сарьяна. 1960 г.

То же чувствовалось в выражении их глаз и ещё в чём-то, что трудно уловить: в осанке, в манере держаться, в движениях, в жестах, в дыхании.

Вскоре я стал встречаться с поэтами, писателями, драматургами. Кто-то из них подарил мне книгу народных сказок на армянском языке. Я не мог её прочитать, хотя говорю по-армянски с восьми лет, после того как пробыл пять лет в Окленде, в сиротском приюте. Дома, во Фресно, я не больше чем за две недели выучился говорить на диалекте битлисских армян.

Во время плавания по Чёрному морю из Батуми в Севастополь я разглядывал безмолвный армянский шрифт армянских сказок и наслаждался им, как можно наслаждаться шрифтами других языков мира, зная, что все эти значки, картинки и узорчатые иероглифы о чём-то говорят. Мне попалась цветная иллюстрация, потом ещё одна, и эти два солнечных, осязаемых, красно-жёлто-коричневых пейзажа говорили о том же, только ещё красноречивее. Художником оказался Мартирос Сарьян. Дальше помню: Ереван, 1960 год, я сижу в его мастерской, ему 80 лет, мне – 52 года.

Слева направо:
Уильям Сароян,
Лусик, Саркис и Мартирос
Сарьяны. 1960 г.

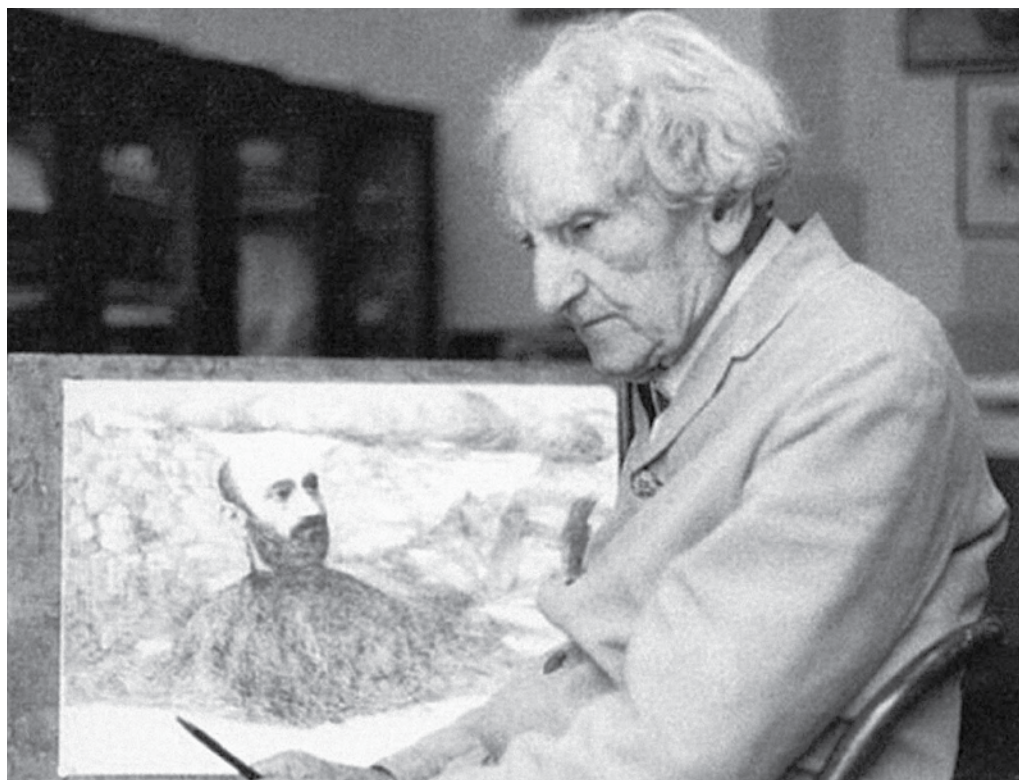

В 1971–1972 годах Сарьян создал серию рисунков фломастером. В них просматривается возврат Варпета к мелодике и пластике его раннего акварельного цикла «Сказки и сны». Его последние рисунки говорят о некоем медитативном погружении в образы армянской природы, жившие в сердце и памяти художника.

14 ноября 1972 года – в день, когда был подписан в 1779 году Екатериной II Указ о переселении армян из Крыма на Дон, в Ростове, в реконструированной церкви монастыря Сурб Хач, в торжественной обстановке был открыт Музей русско-армянской дружбы «Сурб Хач» (филиал Ростовского областного музея краеведения). Каждый, кто был тогда там, у подножия бывшего храма, кто вошёл в него на правах первых посетителей музея, так или иначе был причастен к этому событию. Ведь фактически все ростовчане, особенно потомственные нахичеванцы, все эти годы кто делом, кто словом, но принимали самое сердечное участие в спасении церкви. И все знали, что здание вряд ли удалось бы спасти, если бы не Мартирос Сарьян, не его вовремя сказанное слово. К сожалению, Мартирос Сергеевич не дожид до этого дня...

«Завоевания технического прогресса настолько оглушили некоторых людей, что они даже заговорили об отмирании искусства. ... А по-моему, искусство сейчас нужно как никогда. Что же, кроме искусства, сможет очеловечить, приблизить к людям все удивительные открытия науки и техники».

Мартирос Сарьян

В последние дни своей земной жизни Варпет будто ушёл в себя. Как и великий Комитас, всё больше молчал. Родные вкладывали в красивую кисть старца хорошо заточенный, как он любил, карандаш, подкладывали под руку лист бумаги, и художник что-то рисовал, рисовал, рисовал, водя грифом по белой плоскости.

– Что вы рисуете, Мастер? – спросил у него как-то многолетний его помощник, искусствовед Шаэн Хачатрян.

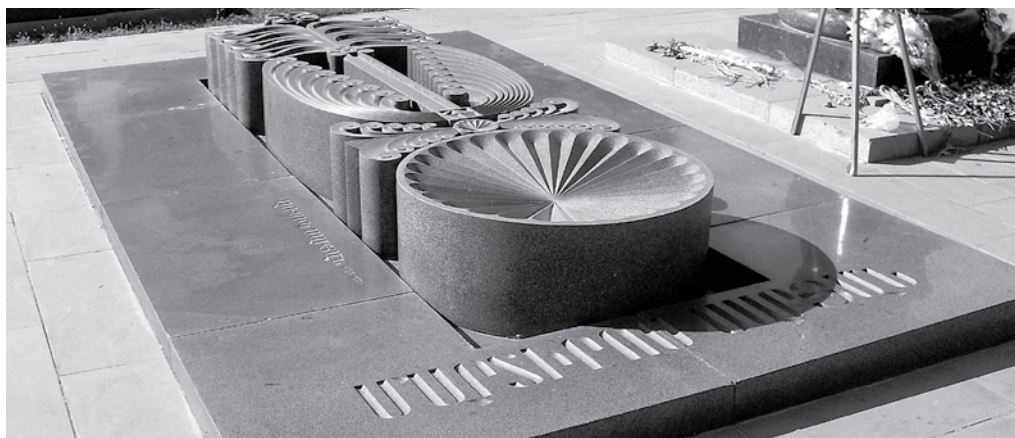
– Сам не знаю. Но что бы ни рисовал, всегда выходит Армения, – ответил великий Сарьян.

Последней картиной 92-летнего Варпета стала работа, которую он назвал «Сказка». На картине выведена рукой Мартироса Сергеевича дата, когда он закончил её писать – «04.04.1972».

Через месяц, 5 мая 1972 года, великий Сарьян ушёл из жизни.

Панихида проходила в кафедральном соборе Святого Эчмиадзина. Траурную литургию вёл Католикос всех армян Вазген I.

Похоронен великий художник, влюблённый в солнце сын армянской и донской земли, Мартирос Сарьян в Ереване, в Пантеоне имени Комитаса*.

* Место, где похоронены видные деятели армянской науки и культуры.

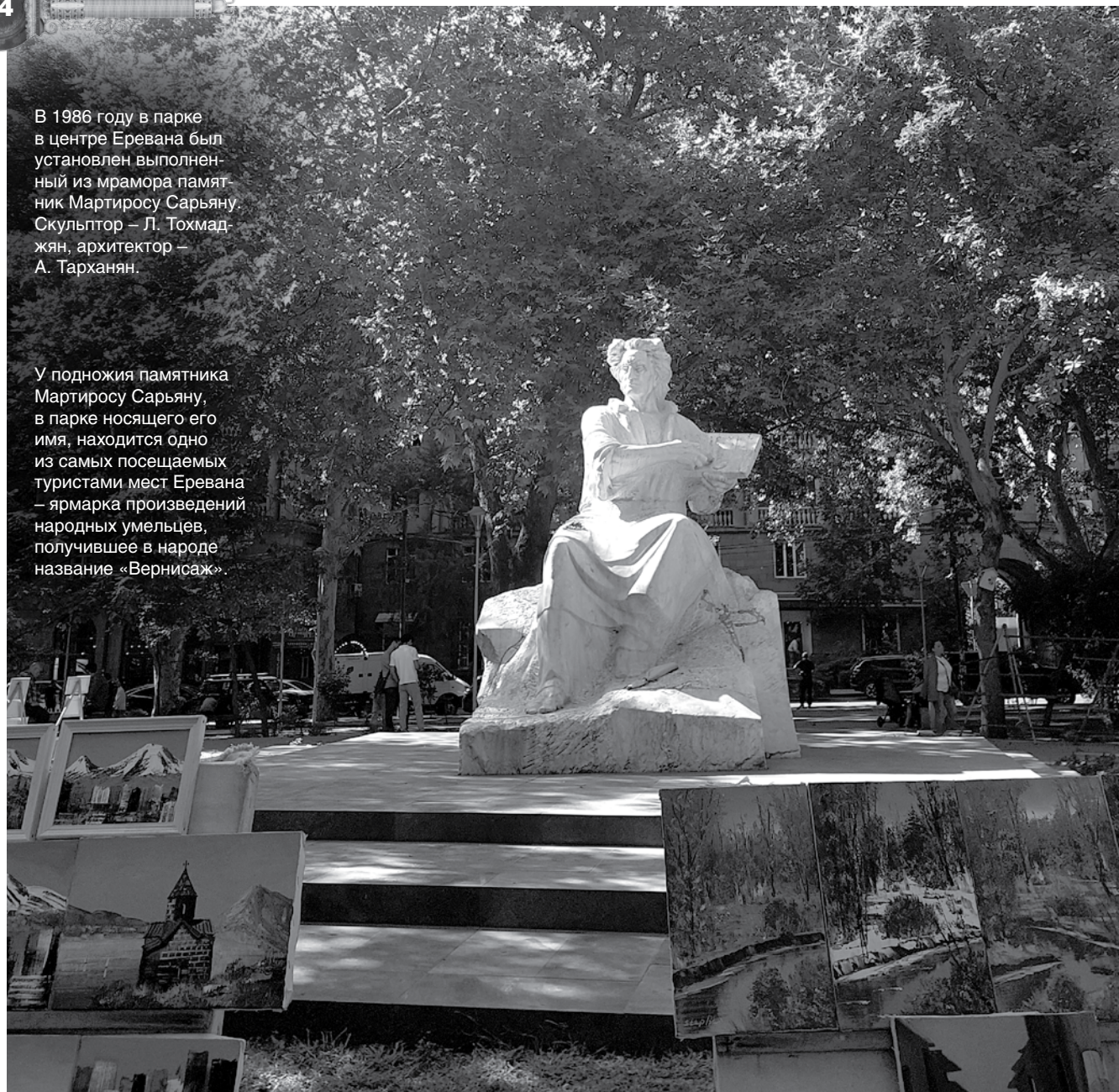
*«Человек сама природа, а природа – человек.
Природа вечно, и смерти нет».*

Мартирос Сарьян

В 1986 году в парке в центре Еревана был установлен выполненный из мрамора памятник Мартиросу Сарьяну. Скульптор – Л. Тохмаджян, архитектор – А. Тарханян.

У подножия памятника Мартиросу Сарьяну, в парке носящего его имя, находится одно из самых посещаемых туристами мест Еревана – ярмарка произведений народных умельцев, получившее в народе название «Вернисаж».

В Ростове памятник Варпету был установлен четырьмя годами раньше (1982). Его подарили столице Дона власти Еревана. Монумент (бронза, бетон) стоит на пересечении улицы Сарьяна и 45-й линии. Скульптор – Л. Токмаджян, архитекторы – Л. Джулакян и Г. Григорьев.

Улица Сарьяна

Сарьян Мартiros Сергеевич (1880-1972) — живописец-пейзажист, график и театральный художник. Уроженец г. Нахичевань-на-Дону.

Художник стал инициатором создания и первым директором Армянского краеведческого музея в г. Ростове-на-Дону. Творчество М.С. Сарьяна сыграло ведущую роль в становлении национальной школы армянской советской живописи. Был одним из авторов герба Армянской ССР.

Основные произведения: «У колодца, жаркий день» (1908), «Море. Сфинкс» (1908), «Озеро фей» (1906), «Пантеры» (1907), «Улица. Полдень. Константинополь» (1910).

Saryan Street

Saryan Martiros Sergeyevich (1880-1972), an Armenian and Soviet landscape painter, a drawing artist and a scene painter, a native of Nakhichevan-on-Don. The painter initiated creation of the Local Armenian History Museum in Rostov-on-Don and was its first head. Works by M. S. Saryan made a large contribution to establishment of the Armenian national school of painting. He took part in developing the design of the coat of arms for the Armenian Soviet Socialist Republic.

His major works are: "By the Well, Hot Day" (1908), "By the Sea, Sphinx" (1908), "Lake of Fairies" (1906), "Panthers" (1907), "A Street, Midday, Constantinople" (1910).

Оформление QR-кода

Scan QR code

РОДНЫЕ ЛЮДИ

Мартiros Сарьян с братьями Ованесом, Серобом и Исааком. 1924 г.

В большой семье родителей Мартirosа Сарьяна крепко держались традиционных правил: почитания старших, уважения к людям труда. Всё это художник перенес и в свою семью.

Женившись в 1916 году на Лусик Агаян, Мартiros Сарьян прожил с ней в мире, любви и согласии 56 лет. Он буквально боготворил жену. В письмах из Парижа он писал ей: **«Ты героиня, другая женщина не смогла бы взвалить на себя всю ответственность за детей и отпустить мужа на длительное время в Париж, даже зная, как это важно для его карьеры».**

Он не устал писать свою Лусик. На его картинах её можно увидеть читающей, спящей, хлопочущей по хозяйству, говорящей по телефону и даже стирающей.

У Сарьянов было два сына — старший Саркис (Сарик), младший Лазарь (Зарик). В одном из писем к жене, когда дети были еще маленьки-

Мартiros Сарьян с женой Лусик, сестрой Катариной, сыновьями Саркисом (стоит в центре) и Лазарем (сидит слева), внуками Рубеном, Катариной, Рузанной и невесткой Галиной.

М. С. Сарьян с женой Лусик.
1965 г.

М. С. Сарьян
с сестрой Катарине.
1971 г.

ми, Сарьян писал: **«Не кричи на детей, не наказывай, будь терпеливей с ними. Им надо по утрам делать зарядку, обтирания. Для желудка полезно есть домашний мацони»**. В том же письме Мартирос Сергеевич подробно рассказывает Лусик, как именно, по его мнению, правильнее всего готовить домашнее мацони.

Мартирос Сергеевич сделал всё от него зависящее, чтобы его сыновья получили хорошее образование. Старший, Саркис Сарьян (1918–1963), стал известным филологом, изучал литературу эпохи итальянского Возрождения. Он окончил аспирантуру в Институте мировой литературы им. М. Горького в Москве и защитил кандидатскую диссертацию. К сожалению, в 1962 году он попал в автокатастрофу, погиб в возрасте 45 лет. Мартирос Сергеевич так сильно переживал гибель сына, что некоторое время был не в состоянии работать. Но однажды утром он поднялся в свою мастерскую. Близким потом рассказал, что Сарик пришёл к нему

Мартирос, Катя (внучка),
Лусик и Саркис Сарьяны.
1950 г.

во сне и попросил вернуться к кисти и краскам. Первая картина, которую Мартирос Сергеевич создал после того рокового дня, был «Автопортрет в мастерской» (1963). Сарьян в ней держит кисть, точно оружие, с твёрдой решимостью продолжить творить, несмотря на горе.

Младший, Лазарь Сарьян (1920–1998), обладал абсолютным слухом. Одновременно он очень хорошо рисовал и хотел стать художником. Когда Лазарь должен был определиться с профессией, Мартирос Сергеевич сказал ему: **«Если ты станешь художником, тебя будут всё время сравнивать со мной. Тебе будет трудно пробиться, это будет очень жестокая борьба»**. И Лазарь выбрал музыку.

Вернувшись с фронтов Великой Отечественной войны, где он служил сначала командиром пулемётного расчёта, а затем отделения, Лазарь Сарьян поступил в Московскую консерваторию и стал композитором. Однако присущее ему цветовое мышление проявлялось постоянно и в его музыкальных произведениях, придавая им особое, сарьяновское, звучание.

С малых лет Лазарь слушал в доме армянские народные песни в исполнении матери и её брата — фольклориста, музыковеда Мушега Агаяна. В 1947–1948 годах он учился в классе Д. Д. Шостаковича, затем окончил класс Д. Б. Кабалевского. Оркестровку Лазарь прошёл у А. В. Александрова.

Армянская композиторская могучая кучка (слева направо) — Александр Арутюнян, Лазарь Сарьян, Арно Бабаджанян, Адам Худоян, Эдвард Мирзоян. 1981 г.

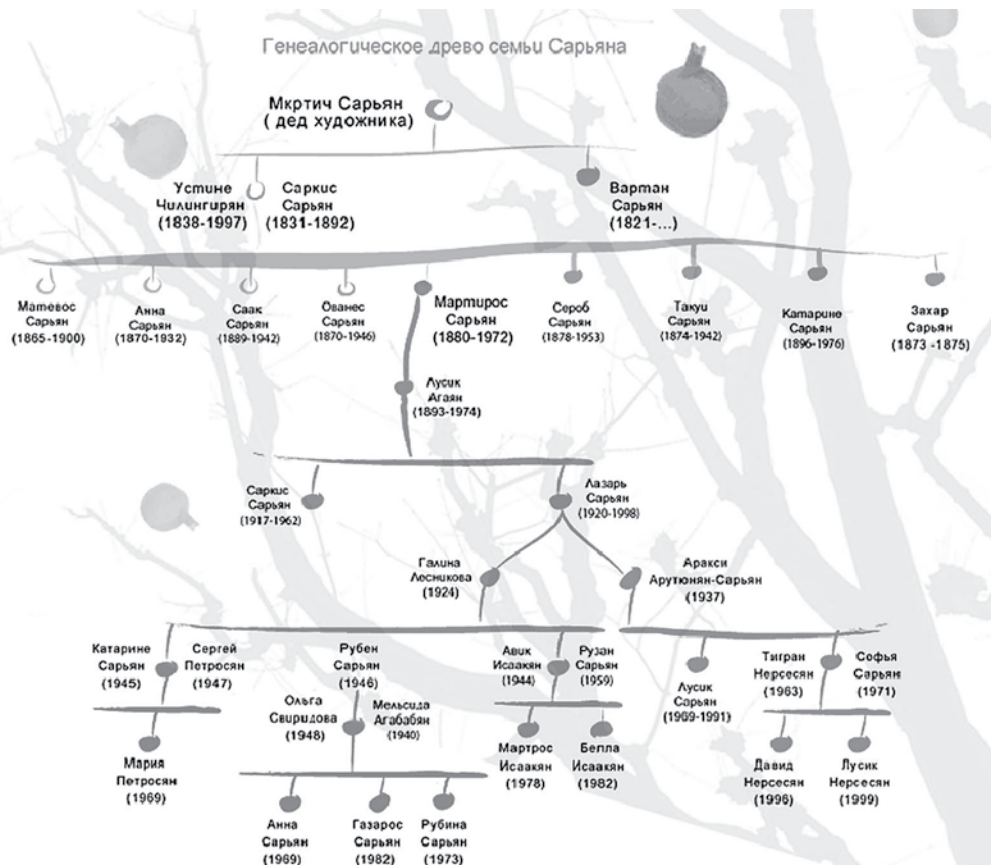

Лазарь Сарьян был одним из членов «Армянской могучей кучки» (названной так по примеру известной «Могучей кучки» русских композиторов). В неё входили: Лазарь Сарьян, Александр Арутюнян, Арно Бабаджанян, Эдвард Мирзоян, Адам Худоян. Лазарь Мартиросович писал музыку для симфонических оркестров, для фортепиано, камерные сочинения. Особый интерес слушателей вызывает его музыка к фильмам. Так, музыка к картине «Песня первой любви» (1958) стала совместной работой Лазаря Сарьяна и Арно Бабаджаняна. К слову сказать, «Песня первой любви» – первый советский послевоенный фильм, в котором прозвучал джаз.

С 1950 года Лазарь Сарьян преподавал в Ереванской государственной консерватории композицию и оркестровку. С 1960 по 1986 годы он занимал должность ректора консерватории. В 1990 году ему было присвоено звание Народного артиста СССР.

М. С. Сарьян в кругу семьи. 1970 г.

Католикос всех армян Вазген I в гостях у семьи М. С. Сарьяна. 1971 г.

С внучкой Рузан

С внучкой Катаринэ

С невесткой Аракси
и внучками Лусик
и Софьей

Сарьян был прекрасным отцом, но ещё больше его любовь к детям проявилась, когда он стал дедушкой.

Внучка Сарьяна Рузанна Сарьян вспоминает: *«В нашем доме нельзя было наказывать детей, в особенности кричать на них. Дедушка никогда в жизни не сказал бы ребенку “я занят, иди, поиграй игрушками”, даже тогда, когда у него были гости мировой величины. Сарьян был солнцем, вокруг которого вращались мы все».*

В доме Мартироса Сарьяна за стол садились всей семьёй вместе с садовником и персоналом, занимающимся хозяйством.

Выросший на природе, Мартирос Сарьян любил работать в саду. Его часто можно было видеть с лопатой в руке, вскапывающим землю, или обрезающим садовыми ножницами сухие ветки деревьев.

Однажды из Москвы приехал корреспондент газеты «Правда», чтобы взять интервью у Мартироса Сергеевича. Войдя во двор, он увидел человека в халате и с метлой в руке. Обращаясь к нему, спросил: «Скажи, любезный, как пройти к Сарьяну?». На что художник ответил: «Вы пойдите в дом, там вам скажут».

В доме журналист, обращаясь к Лусинэ Лазаровне, попросил представить его Сарьяну. «Так вы же только что прошли мимо него! Неужели не узнали?» — удивилась жена Сарьяна.

Вопреки мнению о том, что на втором поколении гений отдыхает, дети, внуки, правнуки Сарьяна доказывают обратное. Каждый по-своему талантлив, каждый с огромным достоинством и с благородной скромностью несёт этот груз ответственности – быть потомком великого Сарьяна.

В 1969 году, 10 августа, в самом солнечном месяце в году, в семье художника с разницей в двенадцать часов родились две правнучки.

Дочь внука Рубена называли Анной, в честь старшей сестры Мартироса Сергеевича. А дочь внучки Катаринэ — Мария (Мариам). Обе девочки уже в раннем возрасте проявляли способности к рисованию.

Жизнь Анны Сарьян, ставшей профессиональным художником, больше связана с Москвой. Однако первые годы жизни в Ереване и летние каникулы, проведённые в живописном ущелье Дилижана, оставили неизгладимый след в её памяти, не говоря, наверное, о генетике, которая, в свою очередь, сыграла важную роль. Анна смело пользуется достижениями живописной техники мастеров прошлого, но не подражает им, а идёт своим путём, обладая собственным видением мира.

Мариам, или, как называют её в семье, Маша, с детства очень любила читать и параллельно чтению рисовать персонажей понравившихся ей книг. После окончания Ереванского художественного училища, работала на студии «Арменфильм» в отделе мультипликации. Однако истинным её призванием оказалась литература. Её роман «Дом, в котором...» был удостоен наград от «Большой книги» (2009), «Русская премия» (2010), «Странник» (2010), «Русский Букер» (2010). Сказываются, должно быть,

Лусик и Мартирос Сарьяны с внуком Рубеном

Правнучка
Мария Петросян

Правнучка
Анна Сарьян

Газарос Агаян

Лазарь Сарьян

и гены прапрадеда Газароса Агаяна, которого называют порой армянским Андерсеном.

Стоит также отметить, что семья Мартироса Сарьяна состоит в родстве с несколькими классиками армянской литературы. Брат Лусик Сароян Мушег Агаян женился на Нвард Туманян, став, таким образом, зятем Ованеса Туманяна. Лусик Сароян была дружна с Нвард, писала ей осенью 1921 года о встрече с Туманяном, навестившим Сарьянов в их ереванской квартире: «Могу ли я забыть тот день, когда он пришёл ко мне сюда, какая это была радость для меня, мы обнялись, как отец и дочь! А сколько воспоминаний из отчего дома...». А двумя годами позже, в 1923 году, впереди похоронной процессии Туманяна в Тифлисе несли его большой, созданный Сарьяном по этому случаю, портрет.

Когда Сарьяны обзавелись собственным большим домом, на семейных вечерах почти всегда присутствовали не только Туманяны на правах родственников, но и поэт Аветик Исаакян, сопровождаемый часто супругой Софьей. Могли ли они тогда предположить, что спустя годы внук Исаакяна Авик полюбит и сделает предложение внучке Сарьяна Рузан?!

Кстати, 2025 год – юбилейный не только для Мартироса Сарьяна, но и для его ближайших родственников: 185 лет со дня рождения отца его супруги Лусинэ, писателя-сказочника, выдающегося педагога Газароса Агаяна и 105 лет со дня рождения сына художника, известного армянского композитора Лазаря Сарьяна.

Художник – перед полотнищем новым.
Тихо по-зимнему. Только звучат
Где-то внизу голоса из столовой –
Темноволосых его внучат.

С. В. Шервинский

«Всё, что происходило в армянской живописи на протяжении XX века, соотносилось и сравнивалось с искусством Сарьяна: это был безусловный и высший художественный критерий. Творчество каждого молодого художника оценивалось и характеризовалось с точки зрения того, продолжало ли оно традиции мастера или развивалось в ином направлении».

Алис Нерсисян,
искусствовед

М. С. Сарьян в своей мастерской с внучкой Катей,
выпускницей Хореографического училища имени А. Я. Вагановой

ДОРОГИЕ МОИ ЗЕМЛЯКИ

«Каждый народ представляется мне могучим деревом. Корни этого дерева уходят в родную почву, а усыпанные цветами и плодами ветви принадлежат всему миру. Так и искусство: всё истинное и ярко национальное всегда несёт в себе нечто общечеловеческое».

Мартiros Сарьян

Рассказывая о Мартиросе Сарьяне, часто говорят о его любви и преданности родине предков – Айастану. Но возможно ли забыть о том, что не в Армении, а на Дону впервые он увидел солнце над головой, ощутил степное дыхание земли, прикосновения наполненного зноем воздуха, услышал голос матери?!

Нам неведомо, благодаря какому чуду, здесь, посреди безбрежного океана российских просторов, появились на свет люди, подобные Микаелу Налбандяну, Рафаэлу Патканяну, Мартиросу Сарьяну... Армяне до мозга костей, любящие свой народ бесконечно, они в то же время были и русскими по духу. И по мировосприятию, кстати, тоже. Это благородная

Семья Сарьян среди жителей Мясниковского района

тайна, которую предстоит ещё разгадать будущим этнографам, психологам, социологам: почему именно здесь, на донской земле, миру был представлен пример того, как, при благоприятных исторических, культурных, бытовых условиях, рождаются и расцветают таланты, которыми могут гордиться одновременно и в равной степени два народа. В нашем случае – русский и армянский.

Сарьян никогда не забывал о том, что он донской армянин, поддерживал с земляками тесную связь.

Дружба Мартироса Сарьяна с **Мариэттой Шагинян** была долгой и творчески плодотворной. И хотя будущая писательница родилась в Москве, а художник учился и подолгу жил в столице, свёл этих людей, укрепил дружбу всю их жизнь родной обоим город Нахичеван.

С 1915 по 1922 годы Мариэтта Шагинян с сестрой жила на родине матери – в Нахичеване, сотрудничала с ростовской газетой «Приазовский край». Осенью 1916 года она познакомилась с жившим тогда также в Нахичеване и уже известным художником Мартиросом Сарьяном, его женой Лусик. В её дневнике появилась следующая запись: *«Сарьян и его жена мне определенно понравились. Он скромн, толков, добр, правдив. Она аристократка настоящая и потому тоже скромна, воспитанна и любезна, видимо, добра. Они прелестно держат себя друг с другом».*

Супруги Яков Хачатрянц и Мариэтта Шагинян со своим посажённым отцом Мартиросом Сарьяном. Нахичеван, 1917 г.

**«Как тяжело и трудно
стало жить на свете...
Неправда! Мир прекра-
сен! Всё в движении.
Точка и круг. Свет и
тьма. Тепло и холод.
Жизнь и смерть. Солн-
це!»**

Из письма
Мартироса Сарьяна
к Мариэтте Шагинян
1971 г.

Сарьян стал давать уроки живописи в созданной сестрами Шагинян художественной школе имени М. А. Врубеля, размещавшейся в Нахичеване, в особняке, принадлежащем прежде купцу М. Я. Искидерову. Именно Сарьян познакомил Мариэтту с преподавателем нахичеванской духовной семинарии Яковом Самсоновичем Хачатрянцем. Вскоре они поженились. Венчались в нахичеванской церкви. Крёстными были Мартирос и Лусик Сарьян, чей свадебный подарок молодожёнам — изящной работы серебряный набор, состоящий из кувшинчика и шести рюмок — хранят сегодня потомки Мариэтты Шагинян и Якова Хачатрянца как память о Сарьяне.

Мариэттой Сергеевной были написаны две очерка о творчестве Сарьяна — в 1937 и 1965 годах — своеобразные писательские портреты «кисти» Шагинян. Перечислив, сколько боли и обид пришлось пережить художнику в период сталинских репрессий, она пишет: *«Сарьян никогда не был тем бойцом, кто кидается наотмашь несправедливому обвинению, идет на него со всем доступным ему оружием самозащиты, парирует удары или наносит их в свою очередь. Кто знал Сарьяна всю его жизнь... тот глубоко познал качество этого необычайного человека — т и ш и н у.*

Разбирая, откуда плывёт на зрителя с полотен Сарьяна эта удивительная гармония, сталкиваешься с очень явным, всегда у него присутствующим умением г а с и т ь б е с п о к о й с т в о. Всякое беспокойство — красок, линий, объёмов, величин в их взаимодействиях и встречах. И погашенное беспокойство становится таким великим фактором полного, до краёв, удовлетворения, такого реального чувства бытия, такого убеждения в его бесспорной, наглядной истинности, что минутами кажется — нет смерти».

В свою очередь художник охотно брался иллюстрировать книги Мариэтты Сергеевны. Он автор второго издания обложки её поэтического сборника юношеской поры «Orientflia» (1919). Тогда же М. Сарьяном был исполнен графический «Портрет Мариэтты Шагинян», который позднее был напечатан рядом с титульным листом в её книге «Гидроцентральный» (1934). Мастер создал и живописный портрет писательницы, однако точная дата его написания, как и местонахождение, сегодня неизвестны.

Для книги «Армения» (1937) Сарьян написал серию акварелей, в которой пытался нарисовать воплощенную в действительность сказку о земле предков. Однако из-за того что художник находился в то время в опале, книга вышла без иллюстраций Мастера.

Материалы предоставлены
семьей М. С. Шагинян.

4-11
Дорогой Мартинус!
Внучу Вам сообщать радостную
для нас весть. Вчера я была
у Саака Карповича Каранерзюна. Заро
ворвался отпер о. дом, что Хруцел
выдвинул через голову Храненно ево.
Саак Карпович мне уверил: «Почему
Вы думаете, что мы от трои не
подумали и трои не сделали? Мы
с ево стороны уже все сделали,
что нужно, теперь остается
лишь за Москвой». Я спросила,
можно ли передать от трои Вам;
он разрешил.
Крепко целую б. д. узелю народного
(и уже с четверть века мирового!),
целую Мученик и Вашу семью,
привет Сааку и всей семье
Сараянов, увидевших в Москве
Ваша Мартинус.
21/хII 44.

ДОКУМЕНТЫ
УЧЕБНИКОВ

Акоп Срабионович Хатламаджиян, историк:

Многим из ныне живущих в селе Чалтырь известно, что генеалогическое древо рода Хатламаджиян изобразил в своё время Мартирос Сарьян. Но не все знают, что история взаимоотношений семей Сарьян и Хатламаджиян имеет очень глубокие корни. Всё началось с 1814 года, когда Нахичеванский армянский магистрат решил выдать земли под частновладельческие хутора вдоль реки Самбек. Обладателями их стали в основном чиновники, несколько мещанских семей города Нахичевана и одна семья чалтырского поселянина Абрама Хатламаджи. Случилось так, что земельные наделы деда Мартироса Сарьяна Мкртича и представителя нашего рода располагались рядом. Так что ещё задолго до рождения Мартироса Сергеевича наши семьи уже были добрыми соседями.

В начале 1921 года, будучи директором Нахичеванского армянского музея и приехав в село Чалтырь в связи с музейными делами, Мартирос Сергеевич остановился в доме Керопа Епремовича Хатламаджияна. Тот рассказал ему о том, что его сын Егия на протяжении многих лет собирал материалы об истории рода Хатламаджиянов: расспрашивал стариков, изучал метрические книги, хранящиеся в чалтырской церкви Сурб Амбарцум. К сожалению, ранняя смерть Егии не позволила ему завершить свой труд, который хранился в доме Керопа неоформленным, в виде длинного списка, состоящего из имён и дат жизни. Как поступить с этим ценным материалом, никто в семье не знал.

Мартирос Сарьян сказал: *«Дайте мне. Я знаю, как всё оформить»*. Буквально за день-два он нарисовал на картоне формата примерно А1 (60х90) в красках генеалогическое древо рода Хатламаджиянов. Правда, без указаний дат и не включая в древо женщин. В память о Егии Хатламаджияне, проявившем рыцарскую преданность по отношению к своим предкам, в нижнем углу картины Сарьян изобразил юношу, скачущего на коне. Там же указал дату создания древа – 1921 год.

Вот уже более ста лет картина кисти М. Сарьяна «Генеалогическое древо рода Хатламаджиян» находится в доме потомков Керопа Хатламаджияна. Были войны, были всякого рода невзгоды, но, невзирая ни на что, семья свято чтит этот труд Мастера. Лишь два раза Хатламаджияны позволили использовать его в качестве экспоната на выставках, проводимых в музее «Сурб Хач». Но это были одно-, двухдневные выставки...

Кстати, когда в 1921 году Мартирос Сарьян гостил в семье Хатламаджиян, он разрисовал также внутреннюю сторону фанерных дверец их шкафа, в котором хранилась посуда (нахичеванцы эту часть домашнего убранства называют джан-долабрэд. — **Ред.**). Увы, эти картины Мастера не сохранились. В начале 1970-х годов в Чалтырь заехал один известный ростовский поэт. Он попросил эти досточки якобы для атрибуции. С тех пор семья их не видела...

Хочу сказать, что хотя Сарьяны и Хатламаджияны давно уже не являются хозяевами тех земельных наделов, благодаря которым они стали соседями, мы, нынешние представители наших родов, храним дружбу, завязавшуюся между нашими предками более двухсот лет назад.

**Татьяна Арменаковна Сурженко,
внучка поэта О. Я. Анопьяна, дочь художника А. О. Анопьяна:**

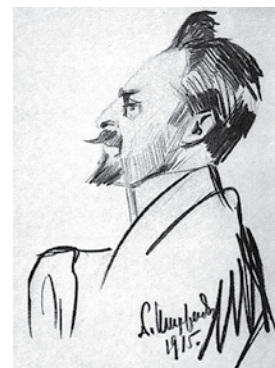
Мартирос Сарьян занимает особое место в истории нашей семьи. В разные годы он сыграл разную, но очень важную роль в судьбе моего деда, а потом и отца.

В одном из писем начала прошлого века мой дед Оноприос Яковлевич пишет приятелю из Нахичевани в Симферополь: *«Прогуливаясь по «асфальту» (так называли нахичеванцы первую заасфальтированную улицу города — 1-ю Соборную), встретил Сарьяна»*. И уточнил — *«он художник»*. В те годы ещё нужно было пояснять, чем именно занимается их общий знакомец Мартирос.

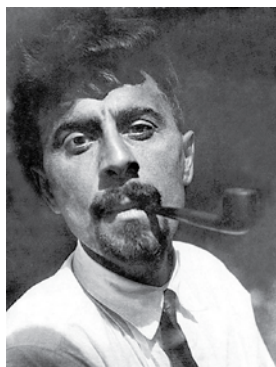
Как часто они встречались позже, теперь уже мне не узнать. Но широко известный, написанный Сарьяном пером, портрет моего деда Оноприоса Яковлевича не оставляет сомнений в том, что художник и поэт встречались в 1915 году в Крыму, куда семья Анопьян переехала жить в 1910 году. Тогда Сарьян увидел в доме друга семилетнего Арменака, моего отца. В первый и единственный раз. Но, тем не менее, это не помешало ему в 1940-х годах принять горячее участие в изволении моего отца, сына своего друга, из сибирской ссылки, куда он был сослан вместе с матерью (О. Я. Анопьяна уже не было в живых) по приказу Сталина вместе с представителями других малых народов Крыма — татар, армян, греков, болгар. Безоговорочно подписал письмо, составленное художниками Крыма и сотрудниками Никитского ботанического сада, что в те времена можно было приравнять к подвигу.

Поэт Оноприос Анопьян

Художник
Арменак Анопьян

К сожалению, голос Сарьяна тогда не был услышан. Но Мартирос Сергеевич позже, когда отец вернулся из ссылки, писал ему письма поддержки, хвалил за то, что он занимается творческим наследием отца, которого, кстати, в армянском литературном мире первой половины XX века называли армянским Пушкиным. О том, какое участие принимал Мартирос Сергеевич в творческой судьбе деда, говорит, к примеру, и чудом сохранившееся после серии репрессий, обысков, которые пережили члены моей семьи, письмо от Сарьяна моему деду:

*«Нахичевань-на-Дону. 15 августа, 1915 год. Дорогой Вонаприос! На мои орфографические ошибки не обращай внимания. Ставлю тебя в известность, что Погос Макинциян (критик. – **Ред.**) ждёт твоих стихотворений, следовательно, ты должен поторопиться.*

*Дело с изданием (речь идёт о книге «Поэзия Армении». – **Ред.**) очень хорошо движется вперёд под редакцией Валерия Брюсова, который так заинтересовался армянской поэзией, что стал изучать армянский язык. Уже свободно читает при помощи словаря и положительно восхищен старой армянской поэзией. Твой Мартирос Сарьян».*

Я счастлива, что общение наших семей – Сарьянов и Анопьянов – продолжилось и в наши дни. И я, а теперь уже и моя дочь Анна Сухарева-Анопьян, приезжая в Ереван, встречаются с потомками Мартироса Сергеевича. Нам есть о чём поговорить...

Шаген Месропович Шагинян (1922–1988), донской фольклорист, краевед, журналист:

Впервые с Мартиросом Сергеевичем Сарьяном мне пришлось встретиться в Ереване в 1939 году. Имя выдающегося мастера советской живописи, автора эмоционального, жизнеутверждающего пейзажа «Армения», выразительных живописных и графических портретов Егише Чаренца, Ваграма Папазяна, Арус Восканян и других замечательных людей нашей страны не сходило с уст. Все говорили об изумительном таланте Сарьяна. Надо ли говорить, как я страстно желал хоть раз увидеть большого мастера.

Но вот подвернулся и случай. Друг мой, студент Ереванского художественного училища Геворк Торпуджиян, пригласил меня к Мартиросу

Сергеевичу. Сам он неоднократно бывал у народного художника и часто говорил о его гостеприимстве.

– Хочешь, пойдём к нашему земляку Сарьяну? – спросил он как-то, сам хорошо понимая, что этот вопрос был излишним.

Художник радушно встретил нас, молодых земляков, и забросал многочисленными вопросами: «Ну, что нового на родине?», «Как Хатламаджияны? А Чибичяны?», «Сохранилось ли у Хатламаджиянов родословное дерево, нарисованное мною?», «Не высохла ли река Мокрый Чалтырь?».

– Давно мечтаю побывать в родных местах, – сказал тогда он, – но так много дел, что это никак не удаётся.

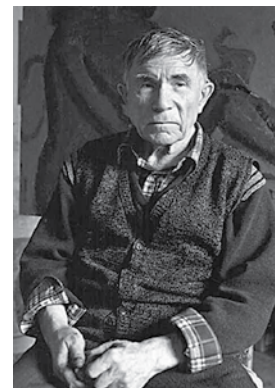
Спустя почти двадцать лет мечта М. С. Сарьяна сбылась. В 1958 году художник снова приехал в Ростов, повидался со многими земляками.

Тимофей Фёдорович Теряев, российский живописец:

В пятидесятых годах служил я в Армении в пограничных войсках, работал художником в управлении клуба. Там был ансамбль песни и пляски. В этот ансамбль ходил студент, звали его Роберт. В свободное время я рисовал ребят из ансамбля, Роберт с интересом присматривался и однажды заявил, что хочет познакомить меня с Сарьяном. Я отказывался, но Роберт настаивал. В один прекрасный день сказал, что меня будут ждать, и я пошёл. Сарьян принял меня не совсем ласково. Он сухо пригласил меня в мастерскую. Мне захотелось уйти. Когда я стал показывать свои рисунки, Мартироса Сергеевича как подменили, он стал очень добрым, в его глазах засветился свет. Я был наверху блаженства. Он говорил, что я художник без всякой скидки на самодеятельность, стал показывать мне свои работы...

Когда Сарьян вышел позвонить, студент-скульптор, который присутствовал при нашей встрече, спросил, нравятся ли мне работы, я по незнанию и глупости сказал «нет», а он мне ответил, что ему тоже не нравятся. Очень часто думаю, что я-то был невежда, а студент ведь учился на пятом курсе!

Когда М. Сарьян вручил мне письмо для директора театрального института, я даже как-то не подумал о его содержании, хотя письмо было в раскрытом конверте. Домой не шёл, а летел. ...Когда пришёл к директору института, он довольно сурово спросил, что мне надо. Я сказал, что

принёс ему письмо от Сарьяна. Он сразу изменился, предложил сесть и стал читать. Это было довольно большое послание – в полторы или в две страницы. Сказал, чтобы я показал рисунки.

Я очень волновался, но рисунки произвели на него большое впечатление. Кабинет был большой, и в глубине сидел человек. Директор сказал ему: «Шато, иди, посмотри, очень здорово». Это был мой будущий учитель Шатис Аветисович Шакарян – прекрасный художник и человек, царствие ему небесное.

Мне было больше тридцати, когда я стал студентом... Однажды, когда я уже учился, по институту прошел слух – «приедет Сарьян».

Мы все выстроились в вестибюле, мне было интересно, вспомнит ли меня Мартирос Сергеевич. Он вошёл и сразу же подошёл ко мне, спросил, как я учусь, нравится ли учиться... Я очень обрадовался, а ребята мне очень завидовали. Весь день для меня был праздником. Это была моя вторая встреча с Сарьяном.

Во время третьей встречи в выставочном зале М. Сарьян сидел один, я подошёл к нему, поздоровался. Он пригласил меня сесть рядом и стал расспрашивать, как я учусь. К нам подошёл преподаватель Амаяк Аветисян и стал возносить мои успехи в учёбе и особенно в живописи, на что Сарьян ему сказал: «Амаяк, пойдй закрой дверь, а то сквозит». Мне было обидно за моего преподавателя, и я сказал, что сбегая, закрою сам. На что Сарьян сказал: «А ты посиди». Я до сих пор не знаю, сон ли это? Почему так поступил Сарьян? Я не мог его тогда судить, и до сих пор я остаюсь в недоумении.

Ребята-студенты часто обращались к Сарьяну, особенно относительно стипендии, и Сарьян часто им помогал. Я никогда не обращался, хотя и имел возможность, как к своему наставнику.

Вот сейчас, на склоне лет, я хочу сказать в адрес великого художника, что я бесконечно горжусь, что такой человек сыграл такую роль в моей жизни.

Семья ростовских врачей и краеведов Багдыковых – Минас Георгиевич и его сыновья Георгий и Тигран.

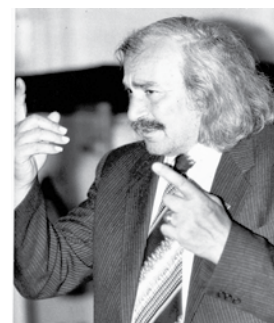
Георгий Минасович Багдыков, врач, краевед:

Мартирос Сергеевич Сарьян, живя в Ереване с 1920 года, всегда с большой радостью встречал своих земляков с Дона. Помню рассказ

моего отца, заслуженного врача России, краеведа и публициста Минаса Георгиевича Багдыкова (1934–1920) о том, как он вместе с нашим родственником, известным армянским поэтом Людвигом Дуряном и моим старшим братом Тиграном беседовал с Сарьяном. Тигран был тогда маленьким мальчиком. Сарьян спросил у него, где он живёт. Брат бесхитростно ответил, что живёт в Ростове-на-Дону, в Пролетарском районе. Мастер улыбнулся в ответ и сказал: *«А я жил в Нахичевани. Почему район сейчас Пролетарский? У вас что – есть ещё Капиталистический?»*

Не могу не отметить, что для того времени это было довольно смелое высказывание. Великий мастер, который родился и жил в Нахичевани, не мог принять, что его малую родину теперь именуют по-другому.

Поэт Людвиг Дурян

**Агарон Шагенович Килафян (1914–1998),
педагог, организатор народного образования
с. Чалтырь Мясниковского района:**

Мартирос Сергеевич с радостью встречал всех, кто приезжал с Мясниковской земли к нему в Ереван. И наш приезд не стал исключением.

Он был великим тружеником, много и плодотворно работал. Картинами были увешаны все стены жилой части его дома, а в мастерской они висели в три ряда и стояли штабелями вдоль стен по всему периметру.

Таким увидели дом Варпета ученики бывшей восьмилетней школы № 3 и мы, их учителя А. Ш. Килафян, С. М. Бабасинян и С. М. Даглдиян, когда в 1964 году побывали у него в гостях.

Мастер интересовался, что нового в Чалтыре, в районе, расспрашивал нас о своих знакомых, делился собственными воспоминаниями.

Мы привезли с собой угощения – хурабья, сайлы и баде-мезе. Сарьян спросил, кто всё это приготовил. Я сказал, что бабушки вот этой девочки, и указал на Анаид Харахашян. Когда уезжали домой, Мартирос Сергеевич пришёл нас провожать, а бабушкам попросил передать подарки, которые принёс: фартуки, платки на голову, вышитые шёлковой нитью, чулки. К слову сказать, когда бабушки Анаид – Гадарине Харахашян и Гехине Барашян – уходили в мир иной, их хоронили в тех самых платках, фартуках и чулках, которые им подарил Сарьян.

**Мелкон Капрелович Джинибалаян (1918–2003),
первый председатель колхоза имени С. Г. Шаумяна
Мясниковского района:**

Приехав в Ереван, мы посетили нашего прославленного земляка М. С. Сарьяна. Он был на втором этаже, стоял в рабочем халате спиной к нам у раскрытого окна и рисовал горы.

Мы старались вести себя тихо, чтобы не мешать, но Сарьян всё же почувствовал, что кто-то есть в мастерской, и повернулся к нам. Очень обрадовался, расцеловал и стал с нами разговаривать на нашем диалекте. Он сказал: «Галаджи анынк, хосел чужым». Потом спустились на первый этаж, и он показал свои картины. Мы встречались с великим художником снова, когда он приехал в Чалтырь в 1958 году.

Когда пришла весть, что Мартироса Сарьяна не стало, мы, конечно, очень переживали. К нам в район поступила телеграмма с приглашением на похороны Мастера. 11 мая 1972 года делегация Мясниковского района – К. С. Лавроненко, Г. О. Хоянян и я – полетели в Ереван. В аэропорту нас встретили представители ЦК КП Армении, разместили в гостинице. Оставив там вещи, мы сразу поехали в дом Сарьяна.

Семья очень обрадовалась, что приехали с родины Мартироса Сергеевича, это было видно. Гроб Сарьяна стоял в центре зала. После прощания подошли шесть спортсменов, все стройные, красивые, подняли на плечи гроб и вынесли на площадь. Прощание продолжалось там. Народу было очень много, были представители со всех республик Советского Союза. На кладбище мы возложили венок от тружеников Мясниковского района. На траурной церемонии выступили первый секретарь ЦК КП Армении А. Е. Кочинян, представители Академий художества Армении и СССР, сказал слова прощания и Г. О. Хоянян. Потом нас пригласили домой к Сарьяну – поминать. Был тут и Арам Хачатурян с женой и многие известные люди.

Вот так проводили мы нашего Мартироса Сарьяна в последний путь.

В подражание Сарьяна

«Детская школа искусств с. Чалтырь (Мясниковский район, Ростовская область) была основана в 1965 году. С 2009 года она носит имя М. С. Сарьяна. В художественном отделении школы обучается более 130 детей. Педагоги школы стремятся вдохновлять своих воспитанников творчеством нашего всемирно известного земляка. Нередко мы даём детям задание написать картину по мотивам работ Мартироса Сергеевича, регулярно проводим детские выставки и конкурсы имени Сарьяна».

Зав. худ. отд. ДШИ
им. М. Сарьяна
К. А. Арабачян

Ян-Чобарян Ульяна, 15 лет
(преп. К. А. Арабачян)

Оганесян Спартак, 10 лет
(преп. Х. Л. Гренадёрв)

Брюханова Василиса, 9 лет
(преп. П. А. Мошиян)

Файзулина Валентина, 10 лет
(преп. Л. Д. Еремян)

Хрхрян Марина, 11 лет
(преп. К. А. Арабачян)

Гарибян Арианна, 11 лет
(преп. П. А. Мошмян)

Бабян Маргарита, 13 лет
(преп. Х. Л. Гренадёр)

Савченко Владислава, 11 лет
(преп. Л. Д. Еремян)

Хатламаджиян Римма, 14 лет
(преп. К. А. Арабачян)

«Цвет — это истинное чудо! В сочетании с солнечным светом он создаёт внутреннее содержание формы, выражает суть вселенского бытия».

Мартiros Сарьян

«Хочу изобразить Армению, её сёла, скалы. Это наша земля, её запах, вкус, вода, воздух в горах. Всё это выражается в её песне. Земля как живое существо, она имеет свою душу и без родной земли, без тесной связи с родиной, нельзя найти себя, свою душу...»

Мартiros Сарьян

«Армения», 1923 г.

«Армянка из Нахичевана». 1904 г.

«Комета». 1907 г.

«Если природный цвет – синий, но картина просит красного, я дам ей красный».

Мартiros Сарьян

«У родника. На склонах Арагаца», 1904 г.

«Горы. Армения».
1923 г.
Из собрания Третьяковской галереи.

«Финиковая пальма.
Египет». 1911 г.

«Идущая женщина».
1911 г.

«К роднику».
1926 г.

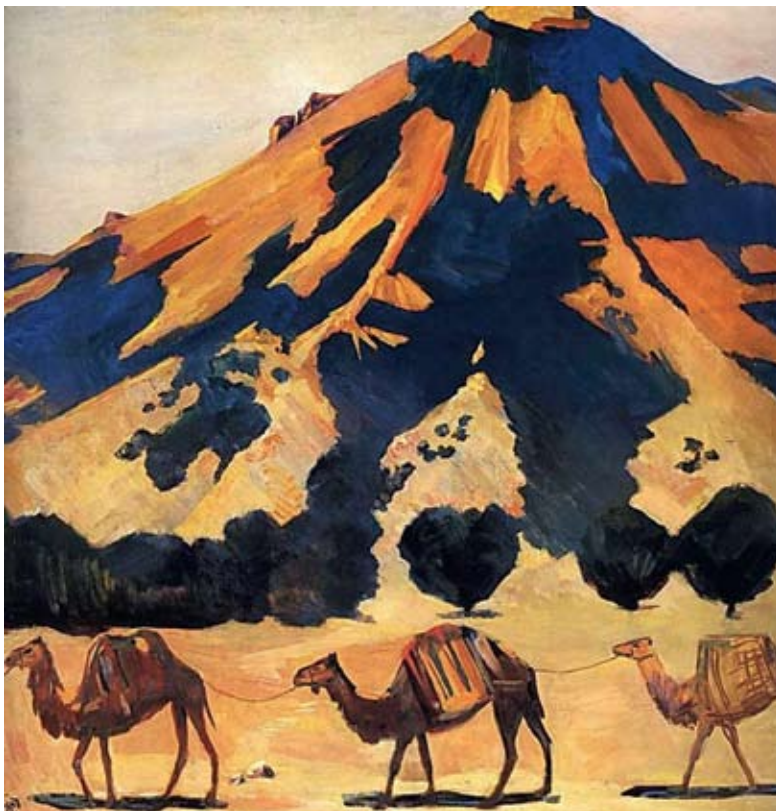

Константинополь.
Собаки. 1910 г.

«Улица. Полдень. Константинополь».
1910 год. Из собрания Третьяковской галереи.

«Гора Абул и проходя-
щие верблюды». 1912 г.

«Ночь. Египет». 1911 г.

«Константинопольские
собаки». 1910 г.
Собрание Национальной
галереи Армении

«Египетские маски».
1911 г.

«Горы. Котайк».
1926 г.

«Улица в Каире». 1911 г.

«Гора Арагац».
1925 г.

«Арарат и Арка Чаренц».
1958 г.

«В Старом Эриване».
1930 г.

«Под абрикосовыми деревьями».
1954 г.

«Ереванский дворик весной».
1928 г.

«Ереванские цветы».
1957 г.

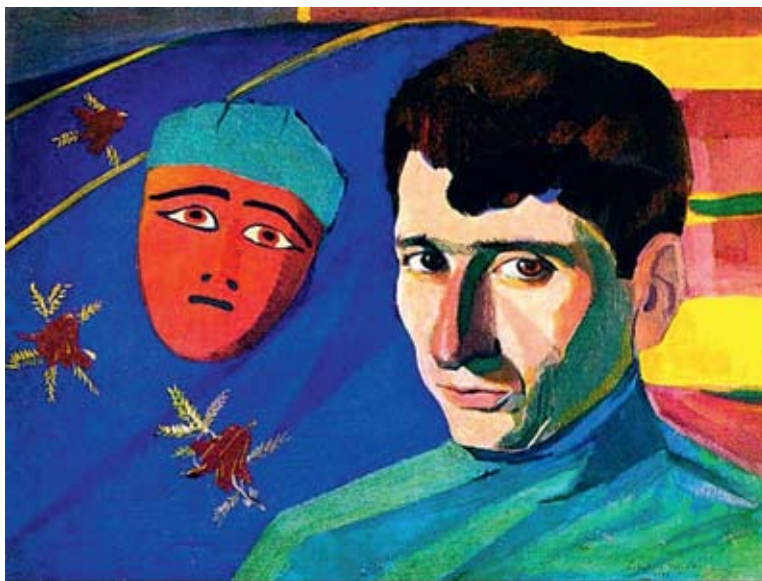

«Армянам – бойцам
Великой Отечественной войны». 1945 г.

«На берегу Марны». 1927 г.

Эти две картины, такие разные по жанру, стилю, времени написания, объединяет одна судьба. Обе чудом спаслись от пожаров, в котором погибли в 1930-е годы две серии работ М. Сарьяна – «французская» и портретная галерея армянской интеллигенции начала XX века. Сарьяна.

«Портрет поэта Егише Чаренца». 1923 год.

Портрет Анны Ахматовой.
1946 г.

Карандашные зарисовки
портрета Анны Ахматовой

Портрет Анны Ахматовой был написан в 1946 году, сразу после исключения её из Союза писателей. Работая над портретом, Сарьян сделал три карандашных рисунка. Один из них находится в Москве, в Третьяковской галерее, другой в Италии, третий в Румынии. Сарьян работал над портретом четыре дня, на пятый сеанс Ахматова, заболев, не пришла. Портрет остался незавершённым – не проработаны руки модели. Много позже он даже хотел отрезать эту часть портрета. Но его переубедили – историю не переписать, не переделать.

На гербе изображён священный Арарат, по поводу которого, как рассказывал позже график Борис Ефимов, Турция выразила протест: почему, мол, Армения поместила на свой герб гору, которая ей не принадлежит? На что тогдашний нарком иностранных дел Чичерин ответил: «А почему на флаг Турции помещён полумесяц? Луна ведь тоже ей не принадлежит».

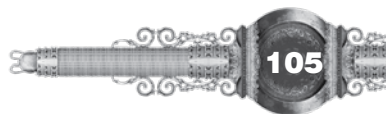

Многолетняя тематическая серия почтовых марок СССР «Русская и советская живопись» неоднократно пополнялась марками с изображениями картин Мартироса Сарьяна. А в 2005 году Почтой Армении были выпущены марки, посвящённые 125-летию со дня рождения Варпета.

Мартирос Сарьян на армянской купюре в 20 тысяч драмов образца 1996–2024 годов. На оборотной стороне фрагмент его знаменитого пейзажа «Армения» (1923). Немного в мире найдётся стран, на денежных государственных знаках которых изображены не монархи и президенты, не политические деятели и военачальники, а люди искусства.

Мартiros Сарьян был замечательным книжным иллюстратором. Особенно он любил иллюстрировать армянские народные сказки. Под его пером мир Востока становился ещё более загадочным и чарующим.

«Из жизни художника.
Портрет Лусик Сарьян».
1941 г.

«Портрет Лусик Сарьян».
1941 г.

«Портрет Катаринэ Сарьян». 1963 г.

«Лусик Агаян». 1915 г.

Любопытно, что когда дети были маленькими, Сарьян никогда не писал их по отдельности. Только вместе!

«Натюрморт с детьми». 1928 г.

«Моя семья». 1929 г.

«Лусик Сарьян.
Тройной портрет». 1934 г.

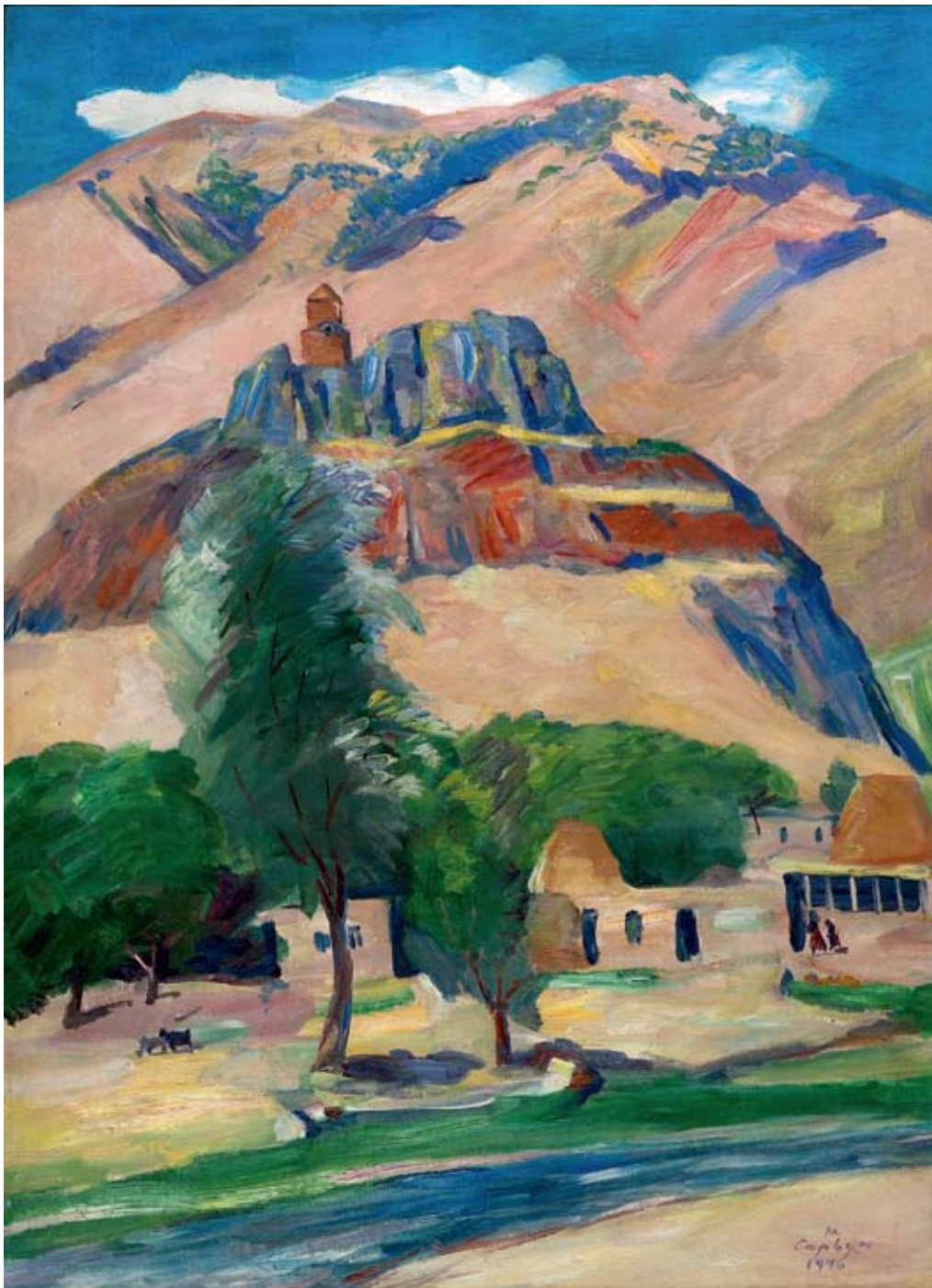

«Автопортрет.
Три возраста». 1943 г.

«Бжни. Крепость».
1946 г.

«Церковь Кармравор VII в.
Аштарак». 1956 г.

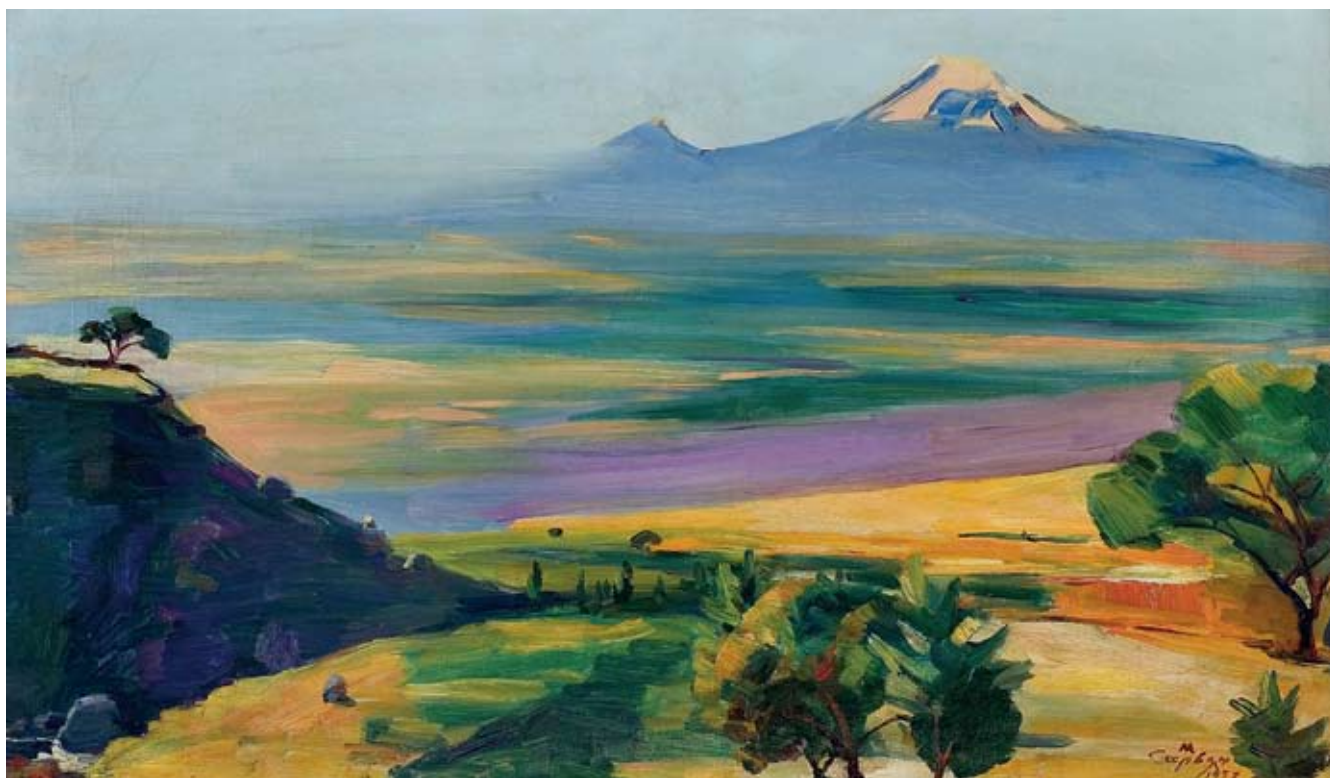

«Арарат и Рипсима».
1945 г.

«Весенний день». 1939 г.

«Торжество утра». 1957 г.

«Искусство М. Сарьяна оптимистично, жизнемерно, пронизано весенней свежестью. Оно будит любовь к жизни и, щедро разливая радость, помогает жить. Его искусство пропитано солнцем. Его кисть — сноп солнечных лучей. Более того, в его полотнах — само солнце со всеми своими переливами; солнце здесь — и цвет, и тон, и тепло, и свет — всё то, из чего создается его живопись».

Аветик Исаакян, очерк «О Сарьяне». 1924 г.

Портрет поэта Аветика Исаакяна. 1940 г.

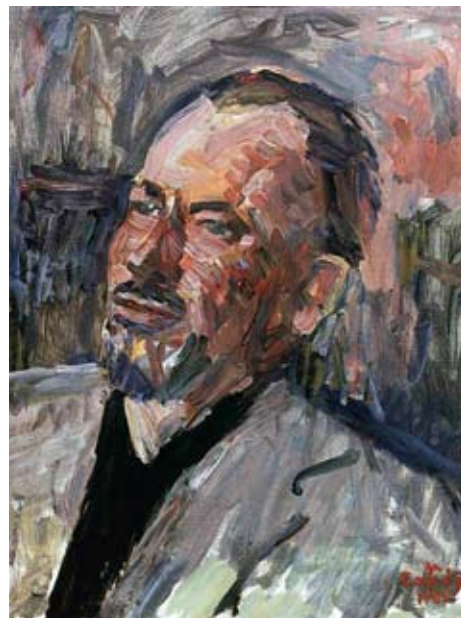
Портрет композитора Арама Хачатуряна. 1944 г.

Портрет маршала
И. Х. Баграмяна. 1947 г.

Портрет композитора
Дмитрия Шостаковича. 1963 г.

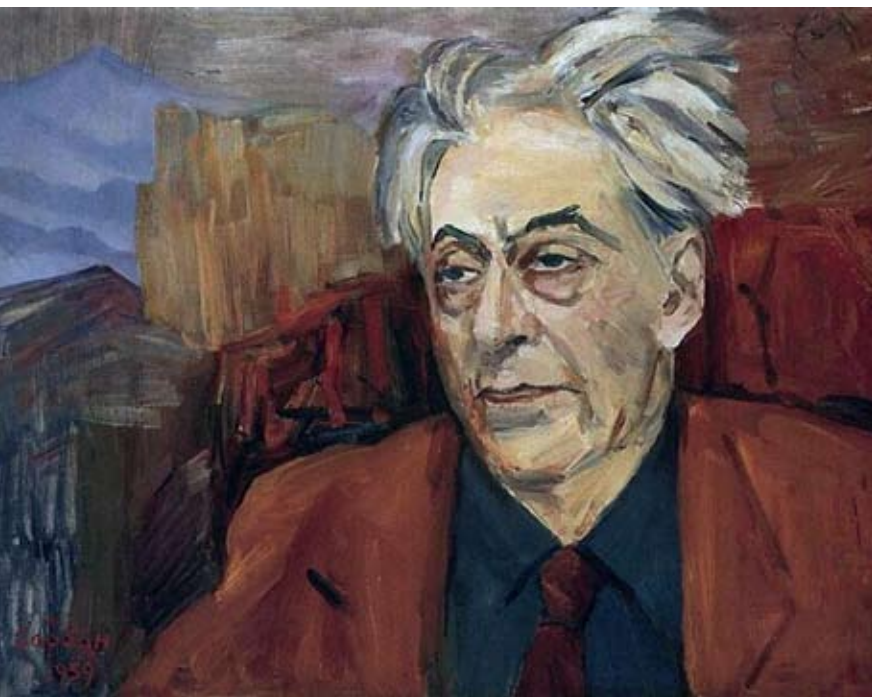

Портрет американского писателя
Джона Стейнбека. 19963 г.

«М. С. Сарьян писал мой портрет, вспоминал прошлое, яростно проклинал людей, безразличных к искусству, и я видел не старого мастера, а юношу, который впервые восхищается охрой и кобальтом».

Илья Эренбург

Портрет писателя
Илья Эренбурга. 1959 г.

Портрет чемпиона мира по шахматам
Тиграна Петросяна. 1963 г.

«Задавая себе вопрос, был ли я счастлив в жизни, могу ответить вполне определённо – да. Разве не счастье вступить в жизнь из небытия, осознать свое Я, увидеть свет, день, солнце и пользоваться бесчисленными благами, щедро, в изобилии предоставленными матерью-природой человеку. Ощущение жизни – ощущение счастья...»

Жизнь замечательных нахичеванцев

**Мартiros Сарьян.
ВЛЮБЛЁННЫЙ В СОЛНЦЕ**

Составитель Н. В. Мирзабекова

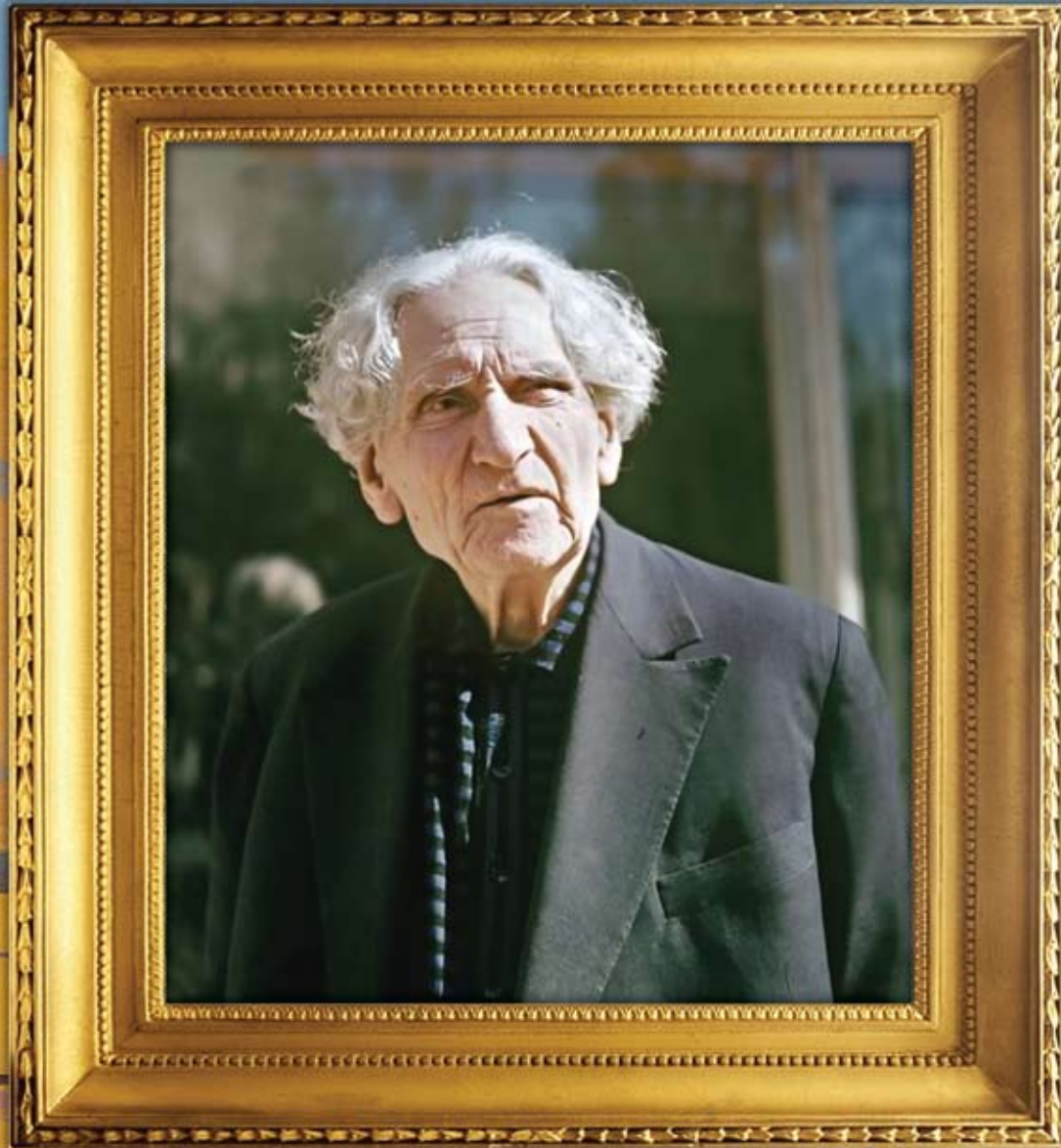
На обложке:
М. С. Сарьян «Автопортрет»

*Благодарим Виолетту Байбуртян
за помощь в подборе фотоматериала к данному изданию.*

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
ИП Федосеев В. А. (типография «Лаки Пак»)
г. Ростов-на-Дону, ул. Мечникова, 112, тел. +7 (863) 256-77-40
Заказ № 1520.

«Жизнь природы удивительна и загадочна. Зерно прорастает в земле, растёт, в положенное время цветёт, снова родит зерно и поэтому не умирает. Таков же человек. Он не умирает, так как он – сама природа. Познание этого есть познание бессмертия, возвышающее человека».

Мартирос Сарьян